Istrina Evgeniia Samsonovna

Rukovodstvo po istorii...

491.709
I87R

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

48

Е. ИСТРИНА

РУКОВОДСТВО ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

С ХРЕСТОМАТИЕЙ И СНИМКАМИ С ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ.

Издание третье,
исправленное и дополненное.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ... 1923 ... ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Методические руководства и пособия для преподавателей.

Русский язык.

Афанасьев, П. О. Путеводитель по вопросам преподавания родного языка. Стр. 52. Ц. 20 к.
Его же. Методика родного языка в трудовой школе. Стр. 233. Ц. 65 к.
Державин, Н. С. Основы методики преподавания русского языка и литературы, ч. II. 1923 г. Стр. 167. Ц. 50 к.
Его же. Изучение литературы в школе. Сборник методических статей и примерных уроков. Стр. 133. Ц. 60 к.
Клетнова, Е. Н. Изучение родного языка. Стр. 51. Ц. 25 к.
Пешковский, А. М. Краткие планы уроков по грамматике (Обучение взрослых). I. Элементы синтаксиса и морфология. Стр. 32. Ц. 20 к.
Его же. Наш язык. Учебная книга для школ I ступени. Вып. I. Интонация. Ритм. Звуки. Стр. 160. Ц. 70 к.
Его же. Школьная и научная грамматика. Стр. 115. Ц. 60 к.
Родной язык в школе. Педагогический сборник. Стр. 174. Ц. 1 р. 30 к.
Развитие речи. Сборник методических статей. Стр. 173. Ц. 1 р. 30 к.
Рыбникова, М. А. Работа словесника в школе. Стр. 80. Ц. 1 р. 50 к.
Соловьева, Н. Методическое руководство к букварю «Из деревни» Горобца. Стр. 20. Ц. 10 к.
Ушаков, Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Стр. 139. Ц. 40 к.
Фаусек, Ю. Обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессори. Стр. 105. Ц. 40 к.
Флеров, В. Свободная диктовка. Опыт новой постановки письменных работ в школе. Берлин. Стр. 95. Ц. 30 к.
Шапошников, И. Н. «Живые звуки». Руководство для обучения детей письму и чтению без букваря. Стр. 128. С прилож. 36 рис. Ц. 80 к.
Щепетова, Н. Н., и Флеров, В. А. Самодиктанты и свободные диктанты (Материалы для орфогр. упражнений в связи с развитием речи). Стр. 150. Ц. 80 к.

Математика.

Беллюстин, В. Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики. Стр. 204. Ц. 1 р.
Герлах, А. И. Как преподавать детям арифметику в духе творческого воспитания. Стр. 190. Ц. 65 к.
Зенченко, С. В., и Эменов, В. Л. Жизнь и знание в числах. Руководство для учителей к пользованию систематическим задачником для школ I ступени. Стр. 48. Ц. 23 к.
Иовлев, М. Н. Математика в школе для взрослых, ч. I. Задачи и правила для группы неграмотных. Стр. 108. Ц. 1 р.
Кавун, И. Н. Приближенные вычисления. Курс элементарный. Стр. 128. Ц. 50 к.
Лэзан, К. А. Новые пути ознакомления детей с математикой. Берлин. Стр. 127. Ц. 30 к.
Масленников, М. Н. Задачник - руководство по математике для взрослых, ч. I. Введение в математику. Стр. 112. Ц. 30 к.
Монтессори, М. Арифметика в элементарной школе. Перев. Ю. И. Фаусек. Стр. 47. Ц. 30 к.
Перельман, Я. И. Новый задачник к краткому курсу геометрии. Стр. 132. Ц. 35 к.
Сигов, И. А. Проекционное черчение в курсе Геометрии. Методический очерк. Стр. 71. Ц. 60 к.
Симон, М. Дидактика и методика математики в школе II ступени. Стр. 264. Ц. 1 р. 20 к.
Фридман, В. Г. Учебник методики арифметики. Стр. 178. Ц. 1 р.
Юнг Дж., В. А. Как преподавать математику в школе I и II ступени. Стр. 302. Ц. 1 р. 75 к.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

• 48 •

Евг. ИСТРИНА

Istrina, E. S.

Rukovodstvo po istorii

РУКОВОДСТВО ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

С ХРЕСТОМАТИЕЙ И СНИМКАМИ С ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ.

ДОПУЩЕНО
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА,
КАК ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ШКОЛ II СТУПЕНИ.

Издание третье, исправленное и дополненное.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ... 1923 ... ПЕТРОГРАД

Российская Государственная Академическая Типография.

Гиз. 4681. III — 12/v 1923. — 5000 экз. Петрооблит № 6189.

491.709
I 87 R

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее руководство излагает историю русского языка с целью выяснения зависимости современного состояния языка от условий его исторического развития. На основаніи этого, те явления старославянского и древне-русского языков, которые не имели в историческом развитии русского языка существенного значения, опущены в руководстве; таково, напр., деление глаголов на классы.

Грамматические факты и термины, известные прошедшим элементарный курс грамматики русского языка, не разъясняются в руководстве; таков, напр., факт деления глаголов на глаголы I спряжения и глаголы II спряжения, термины «основа», «суффикс» и т. п.

В образцах народных говоров, взятых из различных печатных записей, удерживается в общем правописание оригинала; поэтому, система записей не однообразна. Но в некоторых случаях правописание оригинала несколько упрощено; так напр., буква h всюду заменена буквой г; j (в образце № 3) опущен; также, согласно с современным правописанием, устранено написание ъ в конце слов и буква ѣ заменена буквой е.

Как дополнение к настоящему руководству, рекомендуются следующие пособия:

Проф. Н. М. Каринский. Историческая хрестоматия по древне-церк.-славянск. и русск. языкам. Для старших классов ср.-учебн. заведений. Петроград, 1914 г., изд. Я. Башмакова.

Диалектологическая карта русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. Составлена членами Моск. Диалектолог.

Комиссии Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым. Изд. Русского Географического Общества, Петроград, 1914 г.

Указатель всех важнейших учебных и ученых пособий по истории русского языка дан в статье А. М. Селищева «История русского языка в средней школе» в Журн. Минист. Народн. Просвещ. 1917 г., январь, а по вопросам правописания — в книгѣ Д. Н. Ушакова «Русское правописание», изд. II, Спиридонова, Москва, 1917 г.

Петроград.
Июнь 1922 г.

I

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО НАРЕЧИЯ.

Русский язык.

§ 1. В Москве и в Петрограде, в центральных губерниях России и на ее окраинах, в холодной далекой Сибири и у берегов Черного моря — всюду слышится русская речь. Она слышится в государственных учреждениях и в частных домах, в устах простого неграмотного человека и в устах образованнейших людей страны. Красота и богатство ее отражаются в лучших произведениях русских писателей и в звуках народных песен.

Такое широкое распространение имеет русский язык в настоящее время. Но если мы обратимся к прошлой жизни русского народа, то и в ней найдем тот же русский язык. На нем говорили наши предки во времена Петра Великого и Иоанна Грозного, на нем говорили первые русские князья и их дружина, бояре, горожане и сельчане; на нем писали монахи русские летописи, а дьяки — приказы.

Литературный язык, наречия и говоры.

§ 2. Если послушать, как говорят в настоящее время разные русские люди в разных местах России, то легко заметить, что русский язык не у всех и не везде одинаков.

Во-первых: язык образованного человека отличается от языка простолюдина. Язык, которым говорят образованные люди, называется литературным языком. Литературный язык слышится в городах, в государственных учреждениях, с театральной сцены; на нем пишутся книги; он изучается

в школе, и его грамматика излагается в учебниках русского языка.

Во-вторых: и народный язык не везде одинаков. В разных местностях России он имеет много различий в произношении, в склонении и спряжении, в употреблении тех или других слов.

Когда нам приходится слышать человека, который хотя говорит по-русски, но произносит некоторые звуки не так, как произносим их мы сами, или употребляет непривычные или даже иногда непонятные для нас слова, или ставит иначе, чем мы, ударения, — мы тотчас догадываемся, что этот человек — приезжий. Таким образом, мы знаем в общем, что не во всей России русские люди говорят одинаково. Однако, только тот, кто много путешествует и прислушивается к народной речи, или кто изучает ее по записям и книгам, может представить себе все ее разнообразие. Язык очень небольшой местности, часто даже отдельного села или деревушки имеет свои отличительные черты, которых не слышно уже в соседних деревнях.

Язык какой-нибудь местности, имеющий свои особенности, называется говором. Отдельные мелкие говоры очень многочисленны и разнообразны. Но, вместе с тем, в главных своих чертах они имеют между собой много сходства. По степени своего сходства говоры соединяются в бо́льшие или меньшие группы. Все многочисленные и разнообразные говоры русского языка образуют три большие группы: великорусское, белорусское и малорусское наречия, или языки, при чем вместо «малорусский» язык в последнее время принято название «украинский».

С различием наречий и говоров русского языка можно сопоставить различие в быте. Способы постройки домов, домашняя утварь, одежда, пища, обычаи, песни, танцы также различаются в разных местностях России. Деревянные избы великороссов, выстроенные в ряд, с окнами на улицу, отличаются от разбросанных среди вишневых садов выбеленных хат большей части Украины. Великорусские мужские рубахи «косоворотки» и кафтаны, женские сарафаны и душегрейки отличаются от одежды белоруссов, преимущественно белого цвета, и от вышитых рубах, пестрых «плахт» (род юбки у

женщин) и широких шароваров у малороссов. Кроме того, среди отдельных небольших местностей встречаются и более мелкие различия в покрое и цвете одежды, в женских головных уборах и т. п.

Примечание. Названия язык, наречие, говор не обозначают строго определенных понятий. Слово язык может обозначать и язык одного человека и язык целого народа. В общем, говор обозначает меньшую величину сравнительно с наречием, а наречие — меньшую, чем язык. Но говорят: «московский говор» и «московское наречие», «белорусское наречие» и «белорусский язык».

§ 3. Великорусское наречие — самое распространенное наречие русского языка: на нем говорят около 70 миллионов людей, занимающих северные и центральные губернии России, Поволжье, Приуралье и Сибирь. Все великорусские говоры имеют, конечно, много общих черт, почему и составляют одно великорусское наречие. Но в то же время великорусские говоры разделяются на две группы: северную и южную. Между этими группами замечаются довольно крупные различия. Группы эти называются северно-великорусским поднаречием и южно-великорусским поднаречием. Великорусское наречие.

§ 4. Северно-великорусское поднаречие слышится в северных и приволжских губерниях Европейской России и в Сибири. Северно-великорусское поднаречие.

Оно слышится в губерниях: Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской, Олонецкой, Петроградской, Череповецкой, Новгородской, Рыбинской, Ярославской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Вятской, Пермской, быв. Казанской (Татарской респ.), Уфимской, Оренбургской; частию оно слышится и в Псковской, Тверской, Московской, Нижегородской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской, где оно граничит и смешивается с южно-великорусским поднаречием. Затем, северно-великорусское поднаречие распространяется далее на восток и переходит за Уральские горы в Сибирь. Здесь великорусские поселения в сильной степени смешиваются с инородческими.

Главнейшими отличительными особенностями северно-великорусского поднаречия являются следующие:

1) Оканье. Оканьем называется особенность языка, которая состоит в отчетливом и ясном произношении звука **о**.

В русском литературном языке звук **о** произносится только тогда, когда на него падает ударение: до́брый, во́ды, о́кна. Безударное же **о** переходит в **а**: вада́, дабро́, акно́, или в звук, близкий к звуку **ы** (см. § 5,1 и § 10,2)

Но северные великоруссы ясно произносят звук **о** и в тех случаях, когда на него ударение не падает: вода́, добро́, окно́, хорошо́ и т. д. Поэтому, про северных великоруссов говорят, что они о́кают, а северно-великорусское поднаречие называют о́кающим поднаречием.

2) Если звук, который обозначается буквою **е**, находится перед твердым согласным или в конце слова, то он произносится в северно-великорусском поднаречии, как **о** (ё): жона, вёл, вёла, стёкло, сёло, платьё, такжо, чотырё.

Но если следующий согласный произносится мягко, то слышится **е** (а не **о**); напр.: вели (но вёл, вёла), жене (но жона) и т. п.

3) Вместо звука **е** из старого **ѣ**, в большинстве северно-великорусских говоров произносится **и**: при этом, в одних говорах **и** произносится только перед следующим мягким слогом: отвитить (т.-е. ответить — отвѣтить), вирить (т.-е. верить — вѣрить), письня (т.-е. песня — пѣсня); в других же говорах **и** произносится также и перед твердым слогом: лито (т.-е. лето — лѣто), вира (т.-е. вера — вѣра), мисто (т.-е. место — мѣсто).

4) В большинстве северно-великорусских говоров вместо звуков **ц** и **ч** слышится только один из этих звуков, который произносится при этом мягко; такие говоры называются цокающими; в одних говорах слышится **ц** вместо **ч**: руцей (т.-е. ручей), туця (т.-е. туча), ноць (т.-е. ночь), так же, как улиця, церковь; в других говорах, наоборот, слышится **ч** вместо **ц**: уличя, черковь, купечь, так же, как ручей, ночь.

5) Звук, обозначаемый буквою **г**, произносится в северно-великорусском поднаречии, как звук взрывный, мгновенный.

Такое мгновенное произношение звука **г** слышится и в русском литературном языке.

6) Форма 3 лица единственного и множественного числа настоящего (и будущего простого) времени имеет в северно-великорусском поднаречии на конце **т** твердое: идёт, возьмут.

7) Форма родительного падежа единственного числа мужеского и среднего рода имен прилагательных и некоторых местоимений оканчивается в большинстве северно-великорусских говоров на **во**: доброво, синёво, также — тово, ёво, моёво.

§ 5. Южно-великорусское поднаречие слышится в центральных губерниях Европейской России, и граничит на севере и востоке с северно-великорусским поднаречием, на западе — с белорусским наречием, на юге и юго-западе — с малорусским наречием. Южно-великорусское поднаречие.

Граница между южно-великорусским и северно-великорусским поднаречиями проходит в названных уже губерниях (см. § 4). По южной границе губерний Псковской и Тверской, посередине Смоленской, в западной части Калужской, Брянской и Орловской и в северо-восточной части Черниговской губернии южно-великорусское поднаречие граничит с белорусским наречием; в Черниговской же, Курской, Воронежской губерниях, в Области войска Донского и по восточной границе Кубанской области оно граничит с малорусским наречием. Кроме названных губерний, южно-великорусское поднаречие занимает губернии, находящиеся внутри указанных границ: Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Ставропольскую и, кроме того, часть Самарской (около г. Самары) и часть Татарской республики (б. Казанской губ.).

Главнейшими отличительными особенностями южно-великорусского поднаречия являются следующие:

1) Аканье. Аканьем называется совпадение в одном звуке неударенных гласных, изображаемых на письме буквами **о** и **а**. В южно-великорусском поднаречии эти гласные различаются только под ударением; без ударения же они произносятся одинаково, а именно:

а) в слоге предударном (непосредственно перед ударением) они во всех говорах произносятся, как **а**: вада́ (т.-е. вода), нага́ (т.-е. нога), валу́ (т.-е. волу́, дат. пад. слова вол) и на валу́ (вал);

б) в других слогах (не перед ударением и после ударения) они произносятся, как **а**, только в сильно-акающих говорах; в го-

ворах же умеренно-акающих в этих слогах слышится звук краткий, не вполне ясный, средний между **а** и **ы** (его обозначают условно буквой **ъ**): гъръдаво́й (т.-е. городовой), хърашо́ (т.-е. хорошо́), зъхател (т.-е. захотел). Этою чертою произношение южных великоруссов резко отличается от произношения северных великоруссов (см. § 4,1).

2) В связи с этим, в южно-великорусском поднаречии звук **е**, если на него не падает ударение, или а) склоняется к звуку **и** и даже совсем переходит в **и**: нисла̀ (т.-е. несла), рика̀ (т.-е. река), пиро̀ (т.-е. перо), или б) переходит в **а**, что на письме изображается буквами **а** и **я**: нясу̀, пяро̀, жана̀.

Примечание 1. Произношение нисла, пиро свойственно говорам умеренно-акающим, а произношение нясу, жана свойственно говорам сильно-акающим.

Примечание 2. В говорах, в которых на месте безударного **е** слышится **и**, это же **и** слышится и на месте безударного **а** (**я**) после мягких согласных: питачок (т.-е. пятачок), риби́на (т.-е. рябина), чисы (т.-е. часы̀).

3) Звук, обозначаемый на письме буквою **г**, произносится в южно - великорусском поднаречии, как длительный звук (ср. § 4,5).

4) Звук **в** перед согласными и в конце слова произносится во многих южно-великорусских говорах, как **у**, обычно неслоговое (ў): ўдава́ (т.-е. вдова), деўка (девка), кроў (кровь).

5) Формы 3 лица единственного и множественного числа глаголов имеют в южно-великорусском поднаречии на конце **т** мягкое (**ть**). идеть, возьмуть (ср. § 4,6).

6) Формы родительного падежа единственного числа мужеского и среднего рода имен прилагательных и некоторых местоимений оканчиваются во многих южно-великорусских говорах на **го**, **га**; наприм.: яго́ (т.-е. его), до́брага, си́няга. В других же южно-великорусских говорах эти формы оканчиваются на **во**, **ва**—напр.: яво́ (т.-е. его), до́брава, си́нява (ср. § 4,7).

Примечание. Окончания **го**, **во** в сильно акающих говорах бывают только под ударением: яго́, таво́ (т.-е. того).

Черты, общие всему великорусскому наречию.

§ 6. Таким образом, каждое из великорусских поднаречий имеет свои особенные черты. Но оба поднаречия имеют также общие черты, благодаря которым их относят к одному великорусскому наречию. Черты, общие всему великорусскому наречию, таковы:

1) Великорусское наречие имеет звуки **о** и **е**, вместо **ы** и **и**, под ударением перед **и**, **й**, **я**, **ю**, **е**; напр.: кро́ю, кро́ешь, кро́й (от крыть), бе́й (бить), ле́й (лить), ше́я, руче́й и т. п. В белорусском же и малорусском наречиях в этих случаях произносятся звуки **ы** и **и**; напр.: кры́ю, кры́ешь, кры́й, би́й, ли́й, ши́я, ручи́й.

2) В связи с этим, имена прилагательные и некоторые местоимения в именит. пад. единств. ч. муж. рода имеют в великорусском наречии под ударением окончание **ой**; напр.: золото́й, худо́й, друго́й, тако́й. В белорусском же и в малорусском наречиях в этих случаях слышится окончание **ый**: золоты́й, худы́й.

3) Имена существительные мужеского рода в именительном падеже множественного числа часто имеют окончание **а** (**я́**) под ударением, напр.: города́, леса́, учителя́. В белорусском же и малорусском наречиях имена существительные мужеского рода оканчиваются только на **ы** и **и**: го́роды, ле́сы, учи́тели.

4) Если в именах существительных перед окончанием находятся задненебные звуки **г**, **к**, **х**, то эти звуки в великорусском наречии сохраняются во всех падежах: нога, ноге, но́ги и т. д. В белорусском же и малорусском наречиях вместо **г**, **к**, **х** слышатся в некоторых падежах **з**, **ц**, **с**: белор. наназе́, малор. на нозі.

Белорусское наречие.

§ 7. Белорусское наречие занимает западные губернии России.

Оно слышится в части Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Брянской и Орловской, где оно граничит с южно-великорусским поднаречием; далее—в части Черниговской, Минской и б. Гродненской где оно граничит с малорусским наречием, и, наконец, в губерниях Витебской, б. Виленской, Гомельской и Могилевской. На западе белорусское наречие граничит с польским, латышским и литовским языками.

Белоруссов насчитывается около 7 миллионов.

Главнейшими отличительными чертами белорусского наречия, кроме указанных в § 6, являются следующие:

1) Аканье. Эта черта сближает белорусское наречие с южновеликорусским поднаречием (см. § 5,1 и § 5,2).

2) **д** и **т** там, где они должны быть мягкими, т.-е. на письме перед **е** (**ѣ**), **и**, **я**, **ю**, **ь**, **ё**, произносятся в белорусском наречии, как очень мягкие **дз**, **ц**: **д** — как **дз**, напр.: людзи (т.-е. люди), хадзи (т.-е. ходи); **т** — как **ц**, напр.: пацягни (т.-е. потяни), пяць (пять).

3) Звук **г** произносится в белорусском наречии длительно (см. § 5,3).

4) Звук **р** во многих белорусских говорах произносится только твердо: румка (т.-е. рюмка), цара́ (т.-е. царя), рака́ (т.-е. река).

5) Звук **в** перед согласными и в конце слова произносится, как **у**, обычно неслоговое (ў): ўнук вместо внук, лаўка вместо лавка (ср. § 5,4).

6) **л** твердое перед согласными и в конце слова произносится в белорусском наречии, как неслоговое **у** (ў); напр.: воўк (вместо волк), быў (вместо был).

7) Форма 3 лица глаголов оканчивается на **т** мягкое, которое произносится в белорусском наречии, как **ц** мягкое; напр.: хо́дзиць (хо́дит), идуць (идут) (ср. § 5,5).

8) Имена прилагательные и некоторые местоимения в родительном падеже единственного числа мужеского и среднего рода оканчиваются на **го́**, **га**: яго́ (его), сляпо́га (слепого) (см. § 5,6).

Малорусское наречие.

§ 8. Малорусское наречие, или украинский язык, слышится в Украинской республике.

Оно занимает части Кубанской области, области войска Донского, губерний Воронежской, Курской (где оно граничит с южно-великорусским поднаречием), далее—части Черниговской, Минской, б. Гродненской (где оно граничит с белорусским наречием), части быв. Бессарабской, быв. Таврической (теперь Крымской респ., где малорусское население смешивается с инородческим), затем Екатеринославскую, Кременчугскую, Харьковскую, Полтавскую, Одесскую, Николаевскую (б. Херсонскую), Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии. Еще далее к западу оно занимает Прикарпатские области, именно восточную часть Галиции, часть Буковины и Закарпатскую Русь.

Малороссов насчитывается около 30 миллионов.

Главнейшими особенностями малорусского наречия, кроме указанных в § 6, являются следующие:

1) Звуки **и** и **ы** произносятся в большинстве малорусских говоров одинаково, почти так, как великорусское **ы**. Находящиеся же перед отвердевшим малорусским **и** согласные звуки произносятся твердо, как и перед **ы**. Так слова **лихо**, **нива**, **тихий** произносятся почти так, как если бы было написано — **лыхо**, **нива**, **тыхый**.

2) Так же твердо произносятся в малорусском наречии согласные перед тем звуком, который обозначается буквою **е**. Напр., слова **небо**, **день** произносятся почти так, как если бы было написано **нэбо**, **дэнь**.

3) В слоге, который оканчивается на согласный, в большей части малорусского наречия вместо звуков **о** и **е** произносится звук **і**, перед которым предшествующий согласный смягчается (этот звук обозначается обыкновенно буквою **і**, в отличие от отвердевшего **и** — см. § 8,1). Так, напр., малороссы

вместо	**вол**	говорят	**віл**,	(но вола),
»	**ножка**	»	**ніжка**,	(но нога),
»	**двор**	»	**двір**,	(но двора),
»	**печь**	»	**піч**,	(но печи).

Но такое произношение встречается не во всех малорусских говорах. В значительной части, именно в говорах северно-малорусских, **о** и **е** в таких случаях изменяются не в **і**, а в двузвучия **уо**, **іе** или в **у** (**ю**), напр., **вуол**, **піечь**, **двур**, **нюс** (т.-е. **нёс**).

Примечание. Беглые **о** и **е** не изменяются в **і**: **сон** (сна), **день** (дня). Не происходит изменения также в полногласных формах: **холод**, **мороз**, и в некоторых других случаях (см. далее § 20,2).

4) Вместо звука **е** из старого **ѣ**, в большей части малорусского наречия, а именно в южно-малорусских говорах, слышится **і**; напр., **обід** (обед—обѣд), **вінок** (венок—вѣнок), **річка** (речка—

рѣчка). В говорах же северно-малорусских в этих случаях слышится двузвучие **іе**: обіед, віено́к, ріека́.

5) В случаях, где **о** не переходит в **і**, оно произносится, как **о**, хотя бы на него и не падало ударение; таким образом, малорусское наречие есть наречие окающее.

6) **г** произносится в малорусском наречии, как длительный звук (см. § 5,3; § 7,3).

7) Звук **в** перед согласными и в конце слова произносится, как **у** неслоговое (ў): праўда, лаўка (ср. § 7,5).

8) **л** твердое перед согласным или в конце слова произносится, как неслоговое **у** (ў) или как **в**; напр.: ходиў вместо ходил, воўк вместо волк, или быв вместо был, вовк (ср. § 7,6).

9) Звук, который обозначается буквою **е**, находясь перед твердыми согласными, переходит в малорусском наречии в **о** (**ё**) гораздо реже, чем в других наречиях русского языка. Так, напр., в великорусском и белорусском наречиях говорят: зелёный, весёлый, несёт, везёт; в малорусском же наречии эти слова произносят так: вэсэлый, зэлэный, нэсэ, вэзэ (ср. § 4,2).

10) Форма 3 лица глаголов оканчивается в малорусском наречии на **т** мягкое (т.-е. ть): но́сить, но́сять, пла́чуть; но глаголы I спряжения в единственном числе во многих говорах теряют это окончание, напр.: бере, иде, веде (ср. § 4,6; § 5,5; § 7,7).

11) Форма родительного падежа единственного числа имен прилагательных и некоторых местоимений оканчивается на **го**: доброго, того (ср. § 4,7; § 5,6; § 7,8).

Взаимоотношение наречий русского языка.

§ 9. Итак, каждое наречие русского языка имеет свои отличительные особенности. Отдельные говоры каждого наречия имеют еще свои более мелкие отличия. Однако, рядом с этим, все наречия и говоры имеют и общие черты (о них см. § 19 и § 20).

Кроме того, между отдельными наречиями наблюдается еще своя особая близость. Так, уже было указано на близость северно-великорусского и южно-великорусского поднаречий (см. § 6).

Южно-великорусское поднаречие сильно сближается с белорусским наречием тем, что тому и другому свойственно аканье, которое не развилось в северно-великорусском и малорусском.

Белорусское и малорусское наречия, в свою очередь, сближаются между собою теми чертами, которыми оба они отличаются от всего великорусского наречия; именно, в них наблюдаются: а) звуки **ы**

и **и** вместо великорусских **о** и **е** под ударением перед орфографическими **и**, **й**, **я**, **ю**, **е**; б) изменение задненебных **г**, **к**, **х** в склонении и т. д. (см. § 6).

Общие черты указывают на родственную близость отдельных русских наречий между собою и на принадлежность всех их к одному русскому языку.

Далее, в местностях, где соседят два наречия, благодаря взаимному общению людей, наблюдаются обычно говоры, в которых в большей или меньшей степени отражаются черты обоих соседящих наречий. Такие говоры называются смешанными. Особенно много смешанных говоров на границе северно-великорусского и южно-великорусского поднаречий. Они занимают широкую полосу по границе этих двух поднаречий и носят название **среднерусских** говоров.

Русский литературный язык.

§ 10. Язык образованных людей отличается от народных говоров и называется литературным языком.

Но в основе русского литературного языка лежит один из народных говоров, именно: говор сердца России — Москвы.

Около Москвы проходит граница северно-великорусского и южно-великорусского поднаречий, и Москва лежит как раз в той полосе смешанных говоров, которые называются среднерусскими (см. § 9). Поэтому, московский говор представляет собою соединение черт северно-великорусского и южно-великорусского поднаречий.

Главнейшими особенностями русского литературного языка, в основе которого лежит московский говор, являются следующие:

1) Черты, общие всему великорусскому наречию, принадлежат и русскому литературному языку (см. § 6):

а) **о** и **е** под ударением перед орфографическими **и**, **й**, **я**, **ю**, **е**; напр.: **кро́ю**, **ше́я**;

б) окончание имен прилагательных в именительном падеже единственного числа мужеского рода на **о́й** под ударением; напр.: **золото́й**;

в) окончание имен существительных мужеского рода в именительном падеже множественного числа на **а** под ударением; напр.: **города́**;

г) неизменяемость в склонении имен существительных заднебных согласных **г**, **к**, **х**, находящихся перед окончанием, напр.: рука, руки, руке и т. д.

2) Одной из важнейших особенностей русского литературного произношения является умеренное аканье, сходное с аканьем большинства среднерусских говоров (см. § 5,1 и § 5,2).

3) Звук, который изображается буквою **е**, находясь перед твердыми согласными или в конце слова, произносится как **о** (ё) только в тех случаях, когда на него падает ударение; напр.: вёл (но вела́), ружьё (но сча́стье), крыльцо́ (но име́ньице). Этою чертою литературное произношение сходно с южно-великорусским и белорусским произношением (о северно-великорусском произношении см. § 4,2, о малорусском — § 8,9).

4) **г** произносится, как взрывный звук, согласно с северно-великорусским произношением. Только в немногих словах: господь, благо, бога слышится в литературном произношении длительное **г**.

5) Формы 3 лица глаголов настоящего времени (и будущего простого) оканчиваются на **т** твердое, согласно с северно-великорусским поднаречием; напр.: ходит, идет (см. § 4,6).

6) Формы родительного падежа единственного числа имен прилагательных мужеского и среднего рода оканчиваются на **во́** и **ва**; эти же окончания встречаются в части южно-великорусских говоров (см. § 5,6); в окающем северно-великорусском поднаречии бывает только окончание **во** (см. § 4,7).

Указанными особенностями произношения русский литературный язык вполне сходится с московским говором. Таким образом, в московском произношении сглаживается резкое различие между двумя великорусскими поднаречиями, а потому оно кажется приятным для слуха, мягким и чистым. Оно звучит точно музыка для тех, кто живет вдали от Москвы и не слышит обычно такого произношения. Московское произношение является образцом произношения для всех русских людей. Но его чистота сохраняется не у всех. На литературный язык в разных местах оказывают некоторое влияние особенности народных говоров.

Так, напр., в устах образованных людей, живущих среди северных великороссов или малороссов, аканье ослабевает и даже переходит иногда в оканье. В белорусских и малорусских губерниях **г** часто произносится и образованными людьми, как длительный звук. В белорусских губерниях нередко можно слышать в устах образованных людей также **дз** и **ц**, вместо мягких **д** и **т**.

Кроме того, в язык образованных людей, живущих в провинции, нередко попадают местные слова и выражения, неупотребительные в чистом литературном языке.

Такие слова заимствуются частью из местных народных говоров, частью из языков других народностей, населяющих данную местность, и называются провинциализмами. Они попадаются даже в языке писателей, которые родились и выросли в провинции, напр., у Чехова («скучать за кем», вместо «скучать по ком» или «о ком»). Иногда писатель умышленно пользуется особенностями местного народного говора, влагая их в уста своих героев, для усиления «местного колорита»; это встречается, напр., в некоторых произведениях Гоголя.

Такие небольшие отступления в пользу местного произношения и словаря делают язык менее чистым и красивым, но не нарушают единства русского литературного языка. Язык Пушкина и Гоголя, Тургенева и Чехова, это—единый русский литературный язык, на котором говорят и пишут все образованные русские люди.

Таким образом, русский литературный язык имеет в своей основе народный московский говор. Но, с другой стороны, как язык литературный, книжный, как язык образованных людей, он отличается от народных говоров вообще, в том числе и от говора московского.

1. В литературном языке всегда больше слов, чем в народных говорах. Он имеет много таких слов, которые появляются вместе с развитием государственной жизни, науки, литературы, образованности. Такие слова отчасти создаются из элементов родной речи (неологизмы), отчасти заимствуются из иностранных языков (варваризмы). К неологизмам относятся напр.: желез-

ная дорога, пароход, лётчик, потребность, языковед, законоведение, искусственный.

В народные говоры все такие слова проникают лишь в небольшом количестве и, при этом, большею частью слова конкретного значения; напр., из неологизмов проникли: пароход, паровоз (но вместо железная дорога народ создал слово чугунка); из иностранных слов проникли: машина, солдат, мастер, маляр и т. п.

К числу заимствований, распространенных в русском литературном языке, относятся также заимствования из церковно-славянского языка; в народном языке церковно-славянизмы встречаются реже (см. дальше § 58).

2. С другой стороны, в народных говорах встречаются нередко слова и формы слов, неупотребительные в литературном языке. Таковы, например, формы родит. пад. множ. числа: местов, рублёв, разов (по образцу столов, домов); такова форма местоимения: ейный, ейная (напр.. ейный дом, вместо ее дом); глагольные формы: ушедши, пришедши и т. п.

3. Способы построения предложений в литературном языке разнообразнее. В нем встречается много придаточных предложений, встречаются сложные периоды. Синтаксис же народной речи проще и беднее. Для подтверждения этого достаточно сравнить произведения наших писателей и народные песни, или просто речь образованного человека и речь простолюдина.

II.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ.

Индо-европейская семья языков.

§ 11. Русский язык в своем географическом распространении не одинаков. В разных местностях, населенных русскими людьми, слышатся разнообразные говоры. Некоторые говоры имеют одинаковые особенности и объединяются, поэтому, в группы, которые называются наречиями. Отдельные наречия также имеют одинаковые особенности и объединяются в единый русский язык. Кроме русского языка, существуют языки: французский, немецкий, польский, итальянский, финский, болгарский и т. д. Если сравнивать разнообразные языки между собой, то окажется, что многие из них более или менее сходны между собою, и поэтому могут быть соединены в разные группы. Так, языки: русский, сербский, болгарский, старославянский, словинский, чешский, польский и серболужицкий более сходны между собою, чем с другими языками. Все эти языки принадлежат к одной группе— славянской и сами называются славянскими языками.

Славянская же группа языков в свою очередь входит в состав другой, более обширной группы, которая называется индо-европейской семьей языков.

К индо-европейской семье языков принадлежат, кроме славянских, следующие языки: балтийские (литовский, латышский), германские (немецкий, шведский, английский, голландский и др.), кельтские (ирландский, шотландский — в Англии, бретонский — во французской Бретани), романские (французский, итальянский,

испанский и др.), греческий, албанский, армянский, индийские (языки индусов, цыганские), и иранские (персидский, курдский и др.). Все эти языки имеют родственные черты и относятся к одной общей индо-европейской семье.

Индо-европейский праязык.

§ 12. Сходство или родство индо-европейских языков объясняется тем, что все эти языки произошли от одного языка, который называют индо-европейским праязыком (сравни — прадед, прабабушка).

На этом индо-европейском праязыке говорил народ, который жил за несколько тысячелетий до Р. Х. Народ этот был небольшой и жил где-то в Европе, недалеко от границы с Азией. Проходили столетия, — народ стал разрастаться, стал распространять свои поселения в поисках удобных жилищ и пищи. Целые группы семейств отрывались от этого народа, уходили то к юго-востоку в Азию, на Индостан, то к западу в Европу. В Европе одни из них заняли центральную ее часть, другие двигались все дальше к западу, третьи осели на южных берегах. Каждая такая группа, далеко удалившаяся от своей родины, теряла старую связь с прежними своими соплеменниками. Вместе с этим, изменялся и ее язык. Таким образом, языки отдельных групп постепенно теряли старое близкое сходство, так что язык одной группы становился даже непонятным другой группе. Кроме того, каждая группа людей, поселяясь на новых местах, находила новые условия жизни: встречала невиданные раньше предметы, сталкивалась с другими племенами; поэтому, в ее языке появлялись новые слова.

Однако, языки отдельных групп не теряли совершенно своего сходства. Некоторые старые общие черты сохранялись все-таки в отдельных языках. Они сохраняются и до сих пор и указывают на взаимное родство индо-европейских языков.

Славянская семья языков.

§ 13. Таким образом, когда индо-европейский народ разделился на несколько групп, в языке каждой группы произошли свои изменения. Вместо одного индо-европейского праязыка стало несколько языков.

Так отделилась от индо-европейского предка-народа и заняла пространство средней Европы та группа, которая образовала славянское племя. Славянское племя говорило одним языком, который называется обще-славянским языком. Но далее, славянское племя, в свою очередь, стало разделяться на группы; эти группы разошлись по разным местам и разраслись затем в целые народы. Один такой народ двигался все к востоку, занял берега Днепра и Дона, распространился по Волге, перекинулся потом за Урал. Теперь этот народ занимает восточную Европу и распространяется дальше к востоку—в Сибирь и до Великого океана. Народ этот — мы, русские. И язык этого народа, когда-то такой же, как и у всех славян, постепенно изменялся, и из него образовался самостоятельный русский язык.

Другие славяне распространились к западу и образовали несколько отдельных народов, которые называются вообще западными славянами; это — поляки, чехи, лужичане. Третьи — заняли Балканский полуостров и некоторые земли к северу от него. Это — сербы (и черногорцы, составляющие с сербами один народ), болгары, словинцы. Язык каждого славянского народа продолжал изменяться, и поэтому 1) стал отличаться от того обще-славянского языка, которым говорили все славяне, когда они жили еще вместе и составляли один народ, 2) стал отличаться, более или менее, и от языков других народов того же славянского племени.

Изобретение славянской азбуки.

§ 14. Славяне долгое время были непросвещенным языческим народом. Но в VI — VII веках отдельные славянские племена начали делать набеги на Римскую и Византийскую империи, а затем завели с римлянами и греками торговые сношения. Понемногу славяне стали подчиняться влиянию этих уже просвещенных христианских народов. От римлян и греков к славянам проникло и быстро у них распространилось христианство. В связи с этим, случилось великое событие, послужившее началом просвещения славян. Событие это — изобретение славянской азбуки.

Случилось это так. Два ученых грека — братья Константин (в монашестве—Кирилл) и Мефодий—проповедывали христианство среди славян. Братья были уроженцами Солуни, в Македонии. Они происходили из знатной греческой семьи, но с детства знали язык славянского населения Солуни. Язык этот был болгарский, но имел некоторые местные особенности, т.-е. это был — солунский говор болгарского языка (сравни говоры русского языка). Перед братьями была открыта блестящая придворная и административная деятельность, благодаря их знатному происхождению и отличному образованию. Но они не раз уклонялись от нее ради религиозных стремлений и миссионерской деятельности и, наконец, всецело посвятили свою жизнь просвещению славян светом книжного учения. Но все книги священного писания были написаны на греческом или латинском языках, и были непонятны славянам. А для того, чтобы перевести книги на славянский язык, нужна была азбука. По преданию, Кирилл и изобрел славянскую азбуку. Он взял за образец греческую азбуку и дополнил ее недостающими буквами. В греческой азбукѣ не было, напр., букв ч, ц, ѣ, ы, потомучто в греческом языке не было соответствующих звуков.

Около 862 года, через посредство Византийского императора Михаила III, братья были приглашены Моравским князем Ростиславом в Моравию для проповеди христианства. С этой целью они приступили впервые к переводу книг священного писания, необходимых при богослужении.

В Моравии братья занимались проповедью христианства и переводом священного писания до своей смерти, подвергаясь преследованию со стороны римско-немецкого духовенства за введение богослужения на славянском языке. После их смерти (Кирилл умер в 869 году, Мефодий — в 885 году) начатое дело христианской проповеди, перевода книг и книжного просвещения славян продолжали их ученики, из которых особенно известен Климент.

§ 15. Кирилл и Мефодий переводили книги священного писания на тот славянский язык, который они знали. А это был солунский говор болгарского языка. Но в то время, в IX веке, отдельные славянские языки были больше схожи между собой, чем в настоящее время. Поэтому, перевод был понятен не только болгарам, но и сербам и чехам и другим славянам. Все принимавшие христианство славяне могли пользоваться книгами, переведенными Кириллом и Мефодием и их учениками. Христианство продолжало распространяться, и нужда в книгах росла. Священники и монахи, выучившись азбуке, переписывали переведенные книги. Они относились к этим священным книгам и к своей работе с благоговением и старались списывать как можно точнее. Когда понадобились переводы новых книг, переводчики тоже старались не отступать от языка кирилло-мефодиевских переводов. Таким образом, язык этот стал языком церковно-литературным. Старославянский язык.

Между тем, болгарский язык и его солунский говор в устной речи постепенно изменялись, как изменяются все языки. Но в церковных книгах старались сохранить язык кирилло-мефодиевского перевода. И скоро между этим языком церковных книг и народным болгарским языком оказалось значительное различие. Поэтому, тот славянский язык, на который были впервые переведены книги священного писания и который сохранился только в этих книгах, называется, в отличие от живого болгарского языка и от других славянских языков, — древне-церковно-славянским или старославянским языком. На старославянском языке теперь не говорит ни один славянский народ; он сохранился только в книгах. Но значение старославянского языка очень велико:

1. На нем впервые была записана славянская речь, и книги, написанные на старославянском языке, являются самыми древними памятниками славянского языка.

2. Знание древнего состояния одного из славянских языков, т.-е. знание языка старославянского, помогает пониманию мно-

гих явлений во всех других славянских языках. Так и сравнение старославянского языка с русским помогает изучению особенностей русского языка.

3. Старославянский язык, ставши церковно-литературным языком для большинства славян, много способствовал распространению среди них христианства и развитию просвещения и государственности.

Такое значение старославянский язык получил у тех славян, которые приняли христианство от Восточной (Византийской) церкви. Это были болгары, сербы, русские. Они приняли богослужение на старославянском языке, а вместе с ним старославянскую азбуку и письменность.

Но среди западных славян христианская славянская проповедь скоро подверглась преследованию со стороны немецко-латинского духовенства. Западные славяне подчинились Западно-Римской церкви; богослужение долгое время совершалось у них на латинском языке. В связи с этим, они стали пользоваться латинской азбукой, приспособляя ее более или менее к звукам своего языка. Этой азбукой славяне-католики пользуются и до сих пор.

4. В конце X века, при князе Владимире, Русь приняла христианство. Первыми священниками и учителями на Руси стали болгары, которые принесли с собой старославянские церковные книги и азбуку. Получив, таким образом, вместе с новой верой готовую письменность, русские люди подчинились ее влиянию. Это влияние отразилось в значительной степени на русском литературном языке. Втечение нескольких веков, до эпохи Петра Великого, русская литература, а в связи с этим и русский письменный язык находились в сильной зависимости от старославянской письменности. Даже в народный язык, вместе с церковным учением, проникли старославянские элементы (хотя и в меньшей степени) и сохранились в нем до сих пор (ср. § 10, стр. 18).

III.

ГЛАВНЕЙШИЕ ЗВУКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕ-РУССКОГО ЯЗЫКА.

Начало русской письменности.

§ 16. Вместе с христианством древняя Русь получила старославянские церковные книги и азбуку. Этими старославянскими книгами и азбукой русские люди могли воспользоваться легко, так как в старославянском языке в большинстве случаев они нашли такие же слова, такие же формы слов и такое же произношение, как было и в древне-русском языке. Такое сходство в обоих этих языках объясняется их общим происхождением из одного общеславянского языка. Но в то же время в древне-русском языке были и свои отличительные черты. Эти отличительные черты образовались в русском языке после того, как русский народ уже отделился от славянского племени и стал жить самостоятельной жизнью.

Первыми священниками и учителями на Руси были болгары. От них выучились письму и русские люди, главным образом — духовенство. Грамотные русские люди стали сначала списывать привезенные старославянские книги, а потом писать и свои сочинения на старославянском же языке. До сих пор сохранилось много старинных рукописей, писанных русскими людьми. Эти рукописи несколько отличаются по языку от чистых старославянских рукописей, потому что русские писцы невольно вносили в них черты своего родного языка. Такие о т л и ч и т е л ь н ы е ч е р т ы р у с с к и х р у к о п и с е й и указывают на особенности р у с с к о г о я з ы к а того времени, т.-е. времени XI века.

Самые старые русские рукописи писаны в XI веке; первая из них — Остромирово евангелие 1056 года. Это — древнейший памятник русского языка. Таким образом, русский язык известен с XI века. С тех пор он во многом изменился. В отличие от своего позднейшего вида, русский язык первых веков от начала письменности (от XI до XIV века включительно) называется древне-русским языком.

Азбука.

§ 17. Древне-русские рукописи писаны старославянской Кирилловской азбукой.

Эта азбука была такова:

а; ꙗ	м	ш
б	н	щ
в	о	ъ
г	п	ꙑ
д	р	ь
є, ѥ	с	ѣ
ж	т	ѫ; ѭ
ѕ (д̂з)	оу, ꙋ (у); ю	ѧ; ѩ
ꙁ (з)	ф	ѡ (о)
и, (н) ї	х	ѯ (кс)
к	ц	ѱ (пс)
л	ч	ѳ
		ѵ (ижица).

К этой азбуке надо сделать следующие пояснения:

1. Буква ъ (ер) обозначала в старославянском языке глухое краткое о, которое могло быть в конце и в середине слов; напр.: **сънъ** (сон), **дъва** (два), **тъгда** (тогда).

2. Буква ь (ерь) обозначала в старославянском языке глухое краткое е, которое также могло быть в конце и в середине слов: **дьнь** (день), **льсть** (лесть), **отьць** (отец).

Звуки, обозначаемые буквами ъ и ь, называются глухими. Глухие звуки (ъ и ь) были не только в старославянском языке,

но и в древне-русском языке, — в то время, когда русские приняли старославянскую азбуку.

3. Буква ѫ (юс большой) обозначала носовое **о** и произносилась приблизительно так, как французское on: **сѫдъ** (суд), **рѫка** (рука), **недѫгъ** (недуг).

4. Буква ѧ (юс малый) обозначала носовое **е** и произносилась приблизительно так, как французское in: **сѣмѧ** (семя), **имѧ** (имя), **начѧти** (начать).

В то время, когда русские стали пользоваться старославянской азбукой, т.-е. в X — XI веках, в русском языке не было носовых звуков. Вместо ѫ был звук **у**, а вместо ѧ — звук **а** (**я**); например, вместо **сѫдъ** говорили судъ, вместо **начѧти**—начати, вместо **сѣмѧ** — сѣмя. Поэтому, русские писцы не умели правильно употреблять буквы ѫ и ѧ и часто смешивали их с буквами **оу**, **а**, **я**.

Примечание. Носовые гласные звуки ѫ и ѧ произошли из гласного звука + носовой **н** или **м** в положении перед согласными и в конце слов (сравни **пѧть** и латинское pons, **сѣмѧ** и латинское sēmen). Но перед гласными остались первоначальные составные части: **сѣм-ѧ**, но **сѣм-ен-е**; **нач-ѧ-ти**, но **нач-ьн-ѫ**; **над-ѫ-ти**, но **над-ъм-енъ**.

5. Буква ѣ имела свое особое произношение в старославянском и в древне-русском языках: ее произношение отличалось от произношения буквы є. Поэтому, писцы не смешивали этих двух букв; но как именно произносился в старославянском и в древнерусском языках этот особый звук — в точности неизвестно.

Примечание. Сравнение славянских языков с другими индоевропейскими языками показывает, что ѣ произошло:

1) из **е** долгого (сравни **сѣмѧ** и лат. sēmen);

2) из двузвучия **ой** (сравни старославянское **берѣте** и греческое φέροιτε); ѣ произошло из двузвучия **ой** (oj) только перед согласными или в конце слова. Перед гласными первоначальные составные части сохранились: **пѣ-ти**, но **поѭ** (т.-е. поj-ѫ).

6. Буквы ꙗ, ѥ, ю, ѭ, ѩ представляют собой соединение

двух букв: і и а, є, о (вместо оу), ж, ѧ. Буква і обозначала в старославянской азбуке тот звук, который изображается в русской азбуке иногда буквой й (напр.: война, мой), а в латинской и немецкой азбуках буквою j (сравни, напр., старославянское юнъ и латинское juvenis). Этот звук называется йотом; а гласные, перед которыми он слышится, называются йотованными.

Примечание. Йотованные гласные встречались в старославянском и в древне-русском языках только в начале слова или после гласных (в том числе и после глухих ъ, ь); напр.: **юнъ, ꙗко, бываѥтъ, костьѭ** (древне-русск. костью).

Но буквы ꙗ, ю, и т. д. могли стоять и после согласных; тогда начертание і обозначало мягкость предшествующего согласного; напр.: **конꙗ, ꙁемлѭ, люди.**

7. Буква щ произносилась в старославянском языке как **шт.**

8. Буква є в старославянском языке никогда не произносилась как ё.

9. Буквы з и ꙁ обозначали для старославянского языка два разные звука: **з** и слитный звук **дз.** Звук ꙁ (д͡з) был когда-то и в русском языке, но уже к началу письменности он исчез из произношения, заменившись звуком з.

10. Буква **оу** или ꙋ обозначала **у**. Начертание **оу** взято из греческой азбуки: ου. Йотованное **оу** писалась как **ю**.

11. Буквы ѡ, ѯ, ѱ, ѳ, ѵ взяты также из греческой азбуки, и редко употреблялись.

Примечание. Кроме этой азбуки — «кириллицы», в старославянской письменности употреблялась еще другая азбука, называемая «глаголица»; но глаголица была гораздо менее употребительна, чем кириллица.

Звуковые особенности, общие старославянскому и древне-русскому языкам.

§ 18. Древне-русский язык имел некоторые особенности в сочетаниях звуков. Одни из таких особенностей произошли еще в общеславянском языке и сохранились одинаково в языках древне-русском и старославянском. Другие особенности древне-русского языка произошли уже после того, как русский народ отделился от славянского племени. Эти особенности, поэтому,

находились только в древне-русском языке и отличали его от языка старославянского.

Главнейшие особенности звуковых сочетаний, общие древне-русскому и старославянскому языкам, были таковы:

1. Первое смягчение задненебных. Задненебные звуки **г, к, х** не могли сочетаться со звуками **и, ѣ, е, ь, j**, а в старославянском языке и со звуком **ѧ**. Перед этими звуками задненебные согласные изменялись так:

г переходил в **ж**: **богъ — боже,**
к » » **ч**: **пекѫ — печеши,**
х » » **ш**: **соухъ — соушити.**

При этом, если изменение происходило передъ **j**, то **j** исчезал: **плакати — плачѫ.**

Такое изменение задненебных **г, к, х** в **ж, ч, ш** перед **и, ѣ, е, ь, ѧ, j** называется первым смягчением задненебных. Первое смягчение произошло еще в общеславянском языке. Оно сохранилось в древне-русском, в старославянском и в других славянских языках.

Мы до сих пор говорим: боже, печешь, сушить и т. п. Но теперь мы можем произносить и — гибель, Киев, великий, хитрый, керосин (вместо древне-русских гыбѣль, Кыевъ, великый, хытрый), т.-е. теперь в русском языке задненебные **г, к, х** могут сочетаться со звуками **е, и** и т. д. Таким образом, закон первого смягчения задненебных теперь уже не действует; но старые слова и формы слов со смягченными **ж, ч, ш** вместо **г, к, х** сохраняются до сих пор в русском языке.

Примечание 1. **ѣ**, перед которым **г, к, х** смягчились в **ж ч, ш**, само перешло в **а**. Поэтому, напр., рядом с формами добр-ейший, умн-ейший есть формы: множ-айший, сладч-айший, тиш-айший (суффикс ейш из ѣйш; по старой орфографии — добрѣйшій).

Примечание 2. **j**, смягчивши задненебные звуки, сам слился вместе с ними в **ж, ч, ш.** Поэтому, в случаях, в которых про-

изошло смягчение задненебных перед йотом, йота нет. Но догадаться, что смягчение произошло перед j, нетрудно:

1) смягченные **ж**, **ч**, **ш** находятся в этом случае перед такими гласными, перед которыми не должно бы быть смягчения;

2) в таких же формах других слов присутствие j ясно.

Например, старославянская форма 1 лица единств. числа настоящего времени **плачѫ** от **плакати**:

1) **к** не должно бы смягчаться в **ч** перед **ѫ** (сравни **ракѫ**);

2) есть формы 1-го лица единств. числа настоящего времени, в которых присутствие j ясно: **оумѣѭ, читаѭ**.

Отсюда заключаем, что в форме **плачѫ** **к** смягчилось в **ч** перед j.

Или: имен. падеж. единств. числа женского рода — **доуша** сравнительно с **доухъ**:

1) **х** не должно бы смягчаться в **ш** перед **а** (сравни **дыханиѥ**);

2) есть такие формы имен. падежа единств. числа женского рода, в которых присутствие j ясно: **ȥемꙗ, стаꙗ**.

Из этого мы заключаем, что **х** смягчилось в **ш** перед j.

2. Второе смягчение задненебных. Задненебные звуки **г**, **к**, **х**, находясь 1) перед падежными окончаниями **ѣ** и **и**, 2) перед **ѣ** и **и** в формах повелительного наклонения, смягчились в общеславянском языке иначе, а именно:

г в *ȥ* (русск. **з**): **нога** — дат. пад. ед. ч. **ноȥѣ**,
к » **ц**: **пекѫ** — повелит. накл. **пьци, пьцѣте**,
х » **с**: **доухъ** — именит. пад. мн. ч. **доу́си**.

Смягчение **г**, **к**, **х** в *ȥ*, **ц**, **с** произошло в общеславянском языке позже первого смягчения и называется, поэтому, вторым смягчением задненебных. Оно сохранилось в старославянском и в древне-русском языках. Но в современном русском литературном языке и в великорусском наречии не сохранились формы слов со смягченными **з**, **ц**, **с** (мы говорим: ноге, пеки, ду́хи и т. п.); в белорусском же и малорусском наречиях формы со смягченными **з**, **ц**, **с** сохраняются до сих пор; напр., в малорусском: на дорозі (см. § 6,4).

Примечание 1. Первое смягчение произошло перед **ѣ** из **е**; второе смягчение произошло перед **ѣ** или **и** из двузву-

чия **ой**; вместо **ѣ** здесь иногда могло быть **и** (см. примеч. к § 17,5).

Примечание 2. Ко второму смягчению принадлежит также ряд слов, в которых смягчение произошло не перед **ѣ—и**, а под влиянием предшествующего гласного, напр. **лицє** (сравни **ликъ**), **кънаѕь** (сравни **кънагыни**).

3. Смягчение **з** и **с**. Звуки **з** и **с** в соединении с **j** также изменились в общеславянском языке, а именно:

з + **j** изменилось в **ж**,
с + **j** » » **ш**.

Например: **писати** и **пишѫ** (русское — пишу), **пишєши**; **вѧзати** и **вѧжѫ**, **вѧжѫтъ** (русск. вяжу, вяжут). Смягчение **з** и **с** в **ж** и **ш** перешло из общеславянского языка в старославянский и в древне-русский языки. Эти старые формы со смягченными **ж** и **ш** до сих пор сохранились в русском языке, напр.: вяжу, пишу, ношу.

Примечание. **j** и в этом случае исчез, слившись со смягченными согласными. Но узнать, что он здесь был, можно:

1) из того, что перед **ѫ** и **е** звуки **с** и **з** не изменяются (сравни **сѫдъ**, **сє**).

2) из того, что в таких же формах других слов бывает ясно присутствие йота: **оумѣѭ**, **оумѣєши**, **оумѣѭтъ** (сравни примеч. 2 к § 18,1).

Таким образом, три указанные явления в сочетаниях звуков: 1-е смягчение задненебных, 2-е смягчение задненебных и смягчение **з** и **с** в **ж** и **ш** произошли в общеславянском языке и одинаково сохранились в языках старославянском и древнерусском.

§ 19. Но древне-русский язык имел и такие особенности, которыми он отличался от старославянского языка. Эти особенности развились тогда, когда русский народ выделился из общеславянского племени и стал жить самостоятельной жизнью. Звуковые особенности др.-русского языка.

Главнейшие особенности в сочетаниях звуков, отличавшие древне-русский язык от старославянского языка, были следующие:

1. Отсутствие носовых ѫ и ѧ. Древне-русский язык не имел носовых гласных ѫ и ѧ. Это видно из того, что уже в древнейших русских рукописях (напр., в Остромировом евангелии) буквы ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, обозначавшие старославянские носовые звуки, употреблялись неправильно и смешивались с буквами оу, ю, ѧ, ꙗ; писали, напр., **соудъ**, **ꙗдо** вместо **сѫдъ**, **ѩдо** и, наоборот, **дѫхъ** вместо **доухъ**. Позже буква ѧ стала употребляться в значении современной буквы **я** (ср. § 17, з, 4).

Примечание. Носовые гласные были уже в общеславянском языке (из которого произошли все славянские языки). Они были сначала и в русском языке, но к XI веку звук ѫ заменился звуком **у**, а звук ѧ заменился звуком **а** (**я**). В польском языке носовые звуки сохраняются до сих пор.

2. Полногласие. Полногласием называется употребление в русском языке, между согласными, звуковых сочетаний **оро**, **оло**, **ере**, **ёле**, **ело**, соответственно старославянским сочетаниям **ра**, **ла**, **рѣ**, **лѣ**; напр. было:

в древне-русском языке:	в старославянском языке:
городъ	градъ
дерево	дрѣво
золото	ꙁлато
молоко	млѣко
волоку	влѣкѫ
шеломъ	шлѣмъ.

Полногласие принадлежит только одному русскому языку и служит главнейшей отличительной его чертой.

Примечание 1. Во всех других славянских языках русским полногласным формам соответствуют различные неполногласные формы; напр., в сербском языке глава, млеко, в польском główa, mleko. Все эти формы произошли из таких общеславянских форм, в которых гласный звук **о**, **е** находился перед плавным: golwa, melko, zolto, gordъ.

Примечание 2. Однако, и в русском языке встречаются

слова с сочетаниями **ра, ла, рѣ, лѣ**: храбрый, сладкий, клетка, брат. Эти слова

или 1) заимствованы литературным языком из старославянского языка, и тогда в народных говорах им большею частью соответствуют полногласные формы: сладкий — народное солодкий, храбрый — хоробрый (см. стр. 18);

или 2) это такие слова, в которых нигде нет и не должно быть полногласия; таковы: брат (сравни латинское frater), клетка и т. п.

3. Постановка глухих перед плавными. В тех случаях, где современный русский язык имеет сочетания **ор, ол, ер, ел** между согласными (волк, верх), в древне-русском языке были сочетания **ър, ъл, ьр, ьл,** а в старославянском — **ръ, лъ, рь, ль**; напр. было:

в древне-русском:	в старославянском:
търгъ (торг)	**тръгъ**
вълкъ (волк)	**влъкъ**
вьрхъ (верх)	**врьхъ**
жьлтый (желтый)	**жльтыи.**

Таким образом, на месте древне-русских сочетаний глухой + плавный, в старославянском были сочетания плавный + глухой.

Примечание 1. В этих случаях в старославянских памятниках глухие часто смешиваются, особенно при **л**: **влъкъ** и **влькъ**, **млъчати** и **мльчати**. Вообще, в сочетаниях **о, е, ъ, ь** с плавным **л** нет такого соответствия между русским и старославянским языками, как в сочетаниях этих гласных с **р**.

Примечание 2. В древне-русском языке были также сочетания плавный + глухой в тех случаях, где и в современном русском языке гласный находится после плавного:

кръвь — кровь
блъха — блоха
брьвно — бревно.

Старославянский язык в этом случае сходен с древне-русским.

4. Смягчение д и т в ж и ч. Сочетания **дј** и **тј** изменились и в старославянском и в древне-русском языках, но неодинаково.

В древне-русском языке:

дј изменилось в **ж**: **видѣти — вижу**,
тј » » **ч**: **свѣтити — свѣча**.

В старославянском языке:

дј изменилось в **жд**: **видѣти — виждѫ**,
тј » » **шт** (**щ**) **свѣтити — свѣшта**.

Изменение **дј** и **тј** называется смягчением зубных **д** и **т** перед йотом.

Примечание 1. Сходно с этим, сочетания

к + т мягкое **г + т** мягкое	изменились в	**ч** в древне-русском языке: пеку — печи (из пекти), могу — мочи (из могти); **шт** (**щ**) в старославянском языке: **пекѫ — пешти** (из пекти), **могѫ — мошти** (из могти).

Примечание 2. В русском литературном языке есть слова с сочетаниями **жд** и **щ** из **дј** и **тј**; напр.: Рождество (ср. родиться), освещение (ср. светить — свеча), невежда (ср. сведение). В такой форме эти слова заимствованы из старославянского языка; некоторые из них продолжают существовать и в русской форме, напр.: невежа (см. § 10, стр 18).

Примечание 3. При смягчении **д** и **т** перед **ј**, йот исчез, слившись со смягченными им согласными (ср. примеч. 2 к § 18,1 и примеч. к § 18,3).

Таким образом, в начале русской письменности, в XI веке, русский язык имел следующие особенности, отличавшие его от старославянского языка:

1. Чистые звуки **у** и **а** (**я**) вместо старославянских носовых **ѫ** и **ѧ**.

2. Полногласие.

3. Постановку гласных (глухих) перед плавными на месте современных сочетаний **ор, ол, ер, ел** между согласными.

4. **ж** и **ч** из **дј** и **тј**.

Эти особенности, бывшие в русском языке в XI веке, сохраняются в нем и до сих пор и отличают русский язык от всех других славянских языков.

§ 20. После XI века русский язык продолжал изменяться. Новые изменения происходили в его звуках и в формах.

Звуковые изменения в др.-русском языке после начала письменности.

Важнейшие звуковые изменения, происшедшие в древне-русском языке после XI века, были таковы:

1. Исчезновение глухих. В древне-русском языке были глухие звуки **ъ** и **ь**. Эти звуки произносились более кратко и более слабо, чем другие гласные звуки. В некоторых случаях они были особенно слабы и стали совсем исчезать из произношения. Такое исчезновение глухих **ъ** и **ь** произошло:

1) в конце слов;

2) в средине слов в таком слоге, за которым следовал слог с чистым гласным (т.-е. не глухим); поэтому, напр.: вместо лъба, отьца, овьца, мъногъ, вьсѩ стали произносить лба, отца, овца, мног, всѩ.

Примеры исчезновения глухих встречаются уже в первых древне-русских памятниках XI века.

Глухой **ъ** исчез бесследно из произношения; напр.: вместо мъногъ, кънига стали произносить мног, книга; так произносим мы до сих пор. Только на письме сохранялась постановка в конце слов буквы **ъ** вплоть до введения в последние годы новой орфографии.

На месте же глухого **ь**, исчезнувшего из произношения, осталась мягкость предыдущего согласного. Эта мягкость до сих пор обозначается буквой **ь**.

Примечание. Но впоследствии многие согласные перед старым **ь** отвердели и в средине и в конце слов. В таких случаях буква **ь** уже не ставится; так напр., вместо древне-русских: вьсѣ, отьца, овьца, ножь, пишут: все, отца, овца, нож.

2. Замена глухих гласных **ъ** и **ь** чистыми гласными **о** и **е**. В тех случаях, когда глухие находились в таком слоге, за которым снова следовал слог с глухим звуком **ъ** и **ь**, они не могли исчезать из произношения. Такие глухие сохранялись в древнерусском языке и стали приближаться к гласным **о** и **е**. В XII веке такой глухой **ъ** перешел в **о**, а глухой **ь** — в **е**.

В рукописях XII и XIII веков уже встречаются написания: весь, день, волкъ, сонъ вместо прежних вьсь, дьнь, вълкъ, сънъ.

Примечание 1. Этим объясняется появление «беглых гласных»: лоб — лба, рот — рта и т. п. В словах лъбъ, ротъ, дьнь, коньць, отьць, цвѣтъкъ глухіе в средине не могли исчезнуть и перешли в **о** и **е**: рот, день, конец, отец, цветок. Но в родительном падеже единственного числа этих слов: лъба, рота, дьня, коньца, отьца, цвѣтъка глухие исчезли, и получились слова: лба, рта, дня, конца, отца, цветка.

Примечание 2. **о** и **е**, полученные из глухих **ъ** и **ь**, не изменились в малорусском наречии в **і** или в двузвучия (см. примеч. к § 8,з).

3. Переход **гы, кы, хы** в **ги, ки, хи**. В начале русской письменности, в XI веке, в древне-русском языке не было звуковых сочетаний **ги, ки, хи**. Эти сочетания еще в общеславянском языке изменились в **жи, чи, ши** (по первому смягчению) или в **зи, ци, си** (по второму смягчению) (см. § 18,1,2).

Но в древне-русском языке были сочетания **гы, кы, хы**: гыбѣль, великыи, хытръ и т. п. Начиная с XII века эти сочетания **гы, кы, хы** стали переходить в **ги, ки, хи**; звуки **г, к, х** стали в этих сочетаниях мягкими, но не переходили, как раньше, ни в какие другие звуки. В рукописях XII в. уже встречаются написания: гибѣль, великии, хитръ и т. д. Это объясняется тем, что закон первого и второго смягчения уже перестал действовать. Так и теперь мы можем произносить: Киев, хижина, керосин со смягченными, но не измененными задненебными **г, к, х**.

Таковы были главнейшие изменения в древне-русском языке в XI и XII веках. Русский язык представлял тогда одно целое и

не делился на наречия, как теперь. Указанные изменения одинаково произошли во всем русском языке и до сих пор сохраняются во всех его наречиях.

Примечание. В старославянском и в русском языках существует еще одно явление — так называемое чередование гласных в родственных словах. Так, напр., в старославянском языке чередовались:

е и о: берѫ — съборъ
ь и е: рьци — рекѫ
ѧ и ѫ: гразнѫти — грѫзъ
ъ и у: съхнѫти — соухъ
ь и и: жьдати — ожидати

Когда в древне-русском языке носовые ѫ и ѧ заменились чистыми у и а (я), а глухие исчезли из произношения или заменились чистыми о и е, то эти изменения повлияли и на чередование. Так, напр., чередование ѫ — ѧ заменилось в древнерусском языке чередованием у — а (я) (груз — погрязнуть); чередование ъ — у заменилось чередованием о — у (сохнуть — сух) и т. д.

Но, само по себе, чередование гласных не составляет характерной особенности русского языка. Оно было и в старославянском и в общеславянском языках и, далее, в индо-европейском праязыке. Из праязыка перешло оно в отдельные индо-европейские языки (сравни латинск. decet — doceo, греч. φέρω — φόρος). В чередовании гласных не следует видеть ни «усиления» ни «перехода» одного гласного в другой. Чередующиеся гласные существовали и существуют одновременно в родственных словах; этим чередование гласных существенно отличается от всех указанных явлений старославянского и древне-русского языков.

4. Переход е в о (ё). В XII веке началось еще одно важное звуковое изменение, которое уже не успело распространиться одинаково во всем русском языке; это был переход е в о (ё). В рукописях XII века встречаются примеры перехода е в о после шипящих перед следующим твердым согласным или в конце слова: жона, пшоно, щодръ, пришолъ. Далее, после XII века, звук е стал переходить в о (ё) не только после шипящих, но и после других согласных (сравни: берёза, вёл). Однако,

прежде чем новое изменение **е** в **о** (ё) успело распространиться во всем русском языке, русский язык начал уже разделяться на наречия. Поэтому, изменение **е** в **о** (ё) хотя встречается теперь и во всех наречиях, но неодинаково. Так, в малорусском наречии переход **е** в **о** (ё) встречается гораздо реже, чем в других наречиях; напр., малороссы говорят: пэчэм, овэс, зэлэный (вместо печём, овёс, зелёный — см. § 8,9), и лишь в немногих словах, особенно после шипящих, слышится **о** (ё) и в малорусском наречии; напр.: жона, чоловік, слёзы.

Примечание. В акающих наречиях (т.-е. в белорусском наречии и в южно-великорусском поднаречии) и в литературном произношении **о** (ё) слышится теперь только под ударением (ср. § 10,3). В северно-великорусском же поднаречии и безударное **е** произносится перед твердыми согласными, как **о** (ё) (см. § 4,2).

Общие замечания о звуковых изменениях.

§ 21. Все указанные изменения в старославянском и в древнерусском языках касались отдельных звуков или отдельных звуковых сочетаний. Эти звуковые изменения происходили независимо от того, к какой части речи, к какому падежу, числу, роду или к какому наклонению, времени и т. п. принадлежало данное слово. Если, например, в общеславянском слове звук **г** оказывался перед звуками **е** или **ѣ**, то это **г** обязательно смягчалось в **ж**, — было ли это слово именем существительным (как форма муж. рода единств. числа зват. пад. боже), было ли оно именем прилагательным (как форма божьскъ), было ли оно глаголом (как форма 2 лица множ. ч. наст. вр. изъяв. накл. можете). Точно так же, при звуковых изменениях не имело значения и то, к какой части слова относился данный звук или данное звуковое сочетание: к приставке, к корню или к суффиксу; так напр. **ъ** переходил в древне-русском языке в **о** и в приставках (собрать из събьрати), и в корнях (лоб из лъбъ), и в суффиксах (кусок из кусъкъ).

Таким образом, звуковые изменения происходили в определенную эпоху обязательно во всех словах, где были необходимые для этого условия. Поэтому, звуковые изменения могут быть

названы **звуковыми** (иначе «фонетическими», от греческого слова φόνος — звук) **законами**.

В основе таких строго-последовательных звуковых изменений лежат физиологические причины. Для произношения каждого звука и звукового сочетания нужна особая укладка (т.-е. расположение) органов речи и их особые движения. Такая укладка и движения органов речи иногда физиологически изменяются; тогда изменяется и соответствующий звук или звуковое сочетание.

Старая укладка органов речи и соответствующий ей звук могут быть совсем утеряны и забыты народом. Например, русские совсем забыли произношение носовых, так что теперь многие лишь с большим трудом усваивают произношение французских носовых сочетаний. В других случаях укладка и соответствующий ей звук изменяются лишь при определенных условиях; например, северные великоруссы изменили **е** в **о** (ё) в положении вообще перед твердыми согласными; южные же великоруссы изменили **е** в **о** (ё) перед твердыми согласными лишь в тех случаях, если на **е** падало ударение (см. § 4,2 и § 10,3).

IV.

СКЛОНЕНИЕ И СПРЯЖЕНИЕ.

Изменения форм слов.

§ 22. Кроме звуковых изменений, в старославянском и в древне-русском языках происходили особые изменения в формах склонения и спряжения. Изменения в формах склонения и спряжения (иначе называемые изменениями морфологическими, от греческого слова μορφή — форма) касались не отдельных звуков слова, но определенной, знаменательной его части, именно — его окончания. При этом, принадлежность слова к той или другой грамматической категории имела важное значение; поэтому, напр., история изменений в склонении имен существительных была иная, чем история изменений имен прилагательных, местоимений и т. п.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Общие замечания о склонении имен существительных.

§ 23. Древняя система склонения имен существительных отличалась от современного русского склонения бо́льшим разно́образием форм, а именно:

1) В старославянском и в древне-русском языках были особые формы двойственного числа. Формы двойственного числа употреблялись в тех случаях, когда речь шла о двух предметах, напр. **дъвѣ рыбѣ, дъвѣ селѣ, о дъвою мѫченикоу** и т. п.

2) В старославянском и в древне-русском языках были осо-

бые формы звательного падежа единств. числа имен существительных, напр. **боже**, **рабе**, **жено** и т. п.

Во множественном же числе в значении зват. пад. употреблялись формы имени г. пад.

3) В старославянском и в древне-русском языках различных типов склонения было больше, чем в современном русском языке.

§ 24. Имена существительные еще в общеславянском языке делились по склонению на несколько типов. Различие в типах склонения произошло в зависимости от конечных звуков основы, к которым при склонении присоединялись падежные окончания. Из общеславянского языка эти типы склонения перешли в старославянский и в древне-русский языки. Они были таковы: Типы склонения.

1) Имена существительные женск. рода, основа которых оканчивалась в общеславянском языке на **а**, **ja**. В имен. пад. ед. ч. в старославянском и в древне-русском языках эти имена оканчивались на **а**, **ꙗ** — напр. **жена**, **ꙁемлꙗ**.

2) Имена существительные женск. рода, основа которых оканчивалась в общеславянском языке на **ъ** (иначе на **и** краткое). В имен. пад. ед. ч. в старославянском и в древне-русском языках такие имена оканчивались на **ь**; сюда принадлежали такие слова, как **кость**, **дань**, **жиꙁнь** и другие.

3) Имена существительные муж. и средн. рода, основа которых оканчивалась в общеславянском языке на **о**, **jо**. В имен. пад. ед. ч. в старославянском и в древне-русском языках такие имена муж. рода оканчивались на **ъ**, **ь**, **и**, напр. **рабъ**, **конь**, **краи**, а имена средн. рода — на **о**, **ѥ**, напр. **лѣто**, **полѥ**.

4) Имена существительные муж. рода, основа которых оканчивалась в общеславянском языке на **ъ** (иначе — на **у** краткое). В имен. пад. ед. ч. в старославянском и в древне-русском языках такие имена оканчивались на **ъ**, т.-е. сходно с именами муж. рода с основой на **о** (см. пункт 3); но склонение их было иное; к ним принадлежали такие слова, как **сынъ**, **медъ**, **домъ**, **врьхъ** (древне-русск. **вьрхъ**).

5) Имена существительные муж. рода, основа которых оканчивалась в общеславянском языке на **ь** (иначе на **и** краткое). В имен. пад. ед. ч. такие имена оканчивались в старославянском и в древне-рꙋсском языках на **ь**; но склонение их отличалось от склонения имен муж. рода с основой на **j о** (см. пункт 3-й). Сюда принадлежали такие, напр., слова: **пѫть** (др.-русск. путь), **гость**, **огнь**, **ȥвѣрь**, **ȥѧть** (др.-русск. зꙗть) и другие.

6) Имена существительные муж., женск. и ср. родов, основы которых оканчивались в общеславянском языке на согласные звуки. В имен. пад. ед. ч. в старославянском и в древне-русском языках такие имена имели различные окончания (см. дальше § 28). Сюда принадлежали слова: **камы** (камень), **дѣтѧ** (др.-русск. дѣтꙗ), **слово**, **мати** (мать) и некоторые другие.

Склонение имен женск. рода на а и ꙗ.

§ 25. Старославянский язык. Древне-русский язык.

Единственное число.

И.	**жен-а**	**ȥемл-ꙗ**	жен-а	земл-ꙗ
Р.	**жен-ы**	**ȥемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Д.	**жен-ѣ**	**ȥемл-и**	жен-ѣ	земл-и
В.	**жен-ѫ**	**ȥемл-ѭ**	жен-у	земл-ю
Тв.	**жен-оѭ**	**ȥемл-єѭ**	жен-ою	земл-єю
М. [1]	**жен-ѣ**	**ȥемл-и**	жен-ѣ	земл-и
Зв.	**жен-о**	**ȥемл-є**	жен-о	земл-е

Множественное число.

И. Зв.	**жен-ы**	**ȥемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Р.	**жен-ъ**	**ȥемл-ь**	жен-ъ	земл-ь
Д.	**жен-амъ**	**ȥемл-ꙗмъ**	жен-амъ	земл-ꙗмъ
В.	**жен-ы**	**ȥемл-ѩ**	жен-ы	земл-ѣ
Тв.	**жен-ами**	**ȥемл-ꙗми**	жен-ами	земл-ꙗми
М.	**жен-ахъ**	**ȥемл-ꙗхъ**	жен-ахъ	земл-ꙗхъ

---

[1]) М. обозначает местный падеж. Так называется для древнего склонения предложный падеж, так как формы этого падежа могли употребляться и без предлога.

Двойственное число.

И. В. Зв.	жен-ѣ	ʒемл-и
Р. М.	жен-оу	ʒемл-ю
Д. Тв.	жен-ама	ʒемл-ıама

К этому склонению надо сделать следующие замечания:

1) Основа имен женского рода на а и ıа оканчивалась в общеславянском языке на а и ja. Основа на ja отличалась от основы на а тем, что перед конечным гласным а в ней был j. Йот оказал смягчающее влияние на следующие за ним гласные падежных окончаний. Благодаря этому, рядом с твердым склонением типа жена, получилось сходное с ним мягкое, йотованное склонение типа ʒемлıа.

Примечание. К мягкому йотованному склонению принадлежали также слова, которые имели в старослав. и в др.-русск. языках перед окончанием имен. пад. ед. числа а звуки: **ч**, **ж**, **ш**, **з**, **ѕ**, **ц**, **жд**, **шт**, напр. доуша, тоуча, овьца. Эти смягченные звуки образовались из задненебных **г**, **к**, **х** или зубных **д** и **т** в сочетании с j. Йот, как всегда в таких случаях, исчез (см. примеч. 2 к § 18,1, примеч. к § 18,3 и примеч. 3 к § 19,4). Но эти слова сохранили йотованное склонение; так напр., форма родительн. падежа была доушѧ, овьцѧ (как ʒемлѧ, а не как жены), форма дательного падежа — доуши, овьци (как ʒемл-и, а не как жен-ѣ) и т. п.

2) Некоторые различия между старославянскими и древнерусскими формами вполне объясняются звуковыми различиями между этими языками. Так, вместо старославянской формы женѫ (винит. падеж единств. числа) в древне-русском языке была форма жену, потому что старославянскому ѫ вообще соответствовало русское у (см. § 17,4). Точно также объясняются древне-русские формы женою, землѥю (творит. падеж единств. числа) вместо старославянских форм женоѭ, ʒемлеѭ.

3) В мягком склонении старославянским формам родит. пад. единств. ч. и имен.-винит. пад. множ. числа ʒемлѧ, доушѧ соответствовали древне-русские формы землѣ, доушѣ. Такая замена старославянского ѧ, ıа через ѣ встречается только в не-

которых формах склонения, тогда как вообще старославянскому ѧ, ѩ в древне-русском языке соответствовало а, ꙗ (см. § 17,4).

4) По образцу имен на ꙗ (ꙁємлꙗ) в старославянском и в древне-русском языках склонялись также имена женск. рода, оканчивавшиеся в имен. пад. единств. ч. на и, как напр.: кънѧгыни, рабыни, поустыни и т. п.

Склонение имен женского рода на ь.

§ 26. Старославянский язык. Древне-русский язык.

	Един. число.	Множ. число.	Един. число.	Множ. число.
И.	кост-ь	кост-и	кост-ь	кост-и
Р.	кост-и	кост-ии	кост-и	кост-ьи
		кост-ьи		кост-ии
Д.	кост-и	кост-ьмъ	кост-и	кост-ьмъ
В.	кост-ь	кост-и	кост-ь	кост-и
Тв.	кост-иѭ	кост-ьми	кост-ью	кост-ьми
	кост-ьѭ		кост-ию	
М.	кост-и	кост-ьхъ	кост-и	кост-ьхъ
Зв.	кост-и		кост-и	

Двойственное число.

И. В. Зв.	кост-и
Р. М.	кост-ию
	кост-ью
Д. Тв.	кост-ьма

К склонению имен женского рода на ь надо сделать следующие замечания:

1) Старославянской форме творит. падежа единств. числа костьѭ соответствовала древне-русская форма костью, согласно звуковым различиям между старославянским и древне-русским языками.

2) Древне-русская форма родит. падежа множеств. числа костьи изменилась после XII века в форму костей.

§ 27. Имена существительные мужск. рода, оканчивавшиеся в старославянском и в древне-русском языках в имен. пад. единств. числа на ъ и ь, произошли от различных основ, и поэтому принадлежали к различным типам склонения (см. § 24). Склонение этих имен было таково:

Склонение имен мужеского рода на ъ и ь.

Старославянский язык.

	Основа на о.	Основа на ъ.	Основа на jo.	Основа на ь.
	Единственное число.			
И.	рав-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Р.	рав-а	сын-оу	кон-ѩ	гост-и
Д.	рав-оу	сын-ови	кон-ю	гост-и
В.	рав-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Тв.	рав-омь	сын-ъмь	кон-ѥмь	гост-ьмь
М.	рав-ѣ	сын-оу	кон-и	гост-и
Зв.	рав-є	сын-оу	кон-ю	гост-и
	Множественное число.			
И. Зв.	рав-и	сын-овє	кон-и	гост-иѥ гост-ьѥ
Р.	рав-ъ	сын-овъ	кон-ь	гост-ии гост-ьи
Д.	рав-омъ	сын-ъмъ	кон-ѥмъ	гост-ьмъ
В.	рав-ы	сын-ы	кон-ѩ	гост-и
Тв.	рав-ы	сын-ъми	кон-и	гост-ьми
М.	рав-ѣхъ	сын-ъхъ	кон-ихъ	гост-ьхъ
	Двойственное число.			
И.В.Зв.	рав-а	сын-ы	кон-ѩ	гост-и
Р.М.	рав-оу	сын-овоу	кон-ю	гост-ию гост-ью
Д.Тв.	рав-ома	сын-ъма	кон-ѥма	гост-ьма

Древне-русский язык.

Единственное число.

И.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Р.	раб-а	сын-а	кон-ꙗ	гост-и
	(льн-у)	(мед-у)		гост-ꙗ
Д.	раб-у	сын-ови,	кон-ю,	гост-и
	раб-ови	сын-у	кон-ѥви	гост-ю
В.	раб-ъ	сын-ъ	кон-ь	гост-ь
Тв.	раб-ъмь	сын-ъмь	кон-ьмь	гост-ьмь
М.	раб-ѣ	сын-ѣ	кон-и	гост-и
	(въ пир-у)	(дом-у)		
Зв.	раб-е	сын-у	кон-ю	

Множественное число.

И. Зв.	раб-и	сын-ове	кон-и	гост-иѥ
				гост-и
Р.	раб-ъ	сын-овъ	кон-ь	гост-ьи
	раб-овъ		кон-ьи	гост-ии
			кон-ии	
Д.	раб-омъ	сын-омъ	кон-ѥмъ	гост-ьмъ
В.	раб-ы	сын-ы	кон-ѣ	гост-и
Тв.	раб-ы	сын-ы	кон-и	гост-ьми
			кон-ьми	
М.	раб-ѣхъ	сын-ъхъ	кон-ихъ	гост-ьхъ
		сын-ѣхъ		гост-ихъ

К этим типам склонения надо сделать следующие замечания:

1) В старославянском языке существовала заметная разница в склонении между словами **рабъ** и **сынъ**. Разница эта объясняется тем, что окончание основы в словах **сынъ**, **волъ**, **домъ**, **медъ** и др. было иное, чем в словах **рабъ**, **богъ**, **родъ**, **миръ** и др., а именно: основа первой группы слов оканчивалась в общеславянском языке на **ъ** (иначе — на **у** краткое); основа же второй группы слов

оканчивалась на **о**. Но, благодаря различным звуковым изменениям, окончание именит. пад. единств. числа всех этих слов еще в общеславянском языке стало одинаковым (**ъ**), и тогда склонение старых основ на **ъ** стало смешиваться с склонением старых основ на **о**. В старославянском языке это смешение было незначительным; но в древне-русском языке эти два типа склонения смешивались уже заметно.

2) Склонение слова **конь** было сходно с склонением слова **рабъ**. Это сходство объясняется тем, что в общеславянском языке основа слова **конь** также оканчивалась на **о**. Но перед этим **о** находился **j**. Йот оказал смягчающее влияние на следующие за ним гласные падежных окончаний. Благодаря этому, рядом с твердым склонением типа **рабъ** получилось сходное с ним мягкое, йотованное склонение типа **конь** (сравни § 25,1).

Примечание. К йотованному склонению в старослав. и в древне-русск. языках принадлежали слова, в которых перед падежными окончаниями были шипящие звуки или **з** (s), **ц**, а в старославянском языке также **жд** и **шт**: **врачь, вождь, ножь, отьць**. Эти смягченные звуки образовались из задненебных или зубных в сочетании с **j**. Йот, как всегда в таких случаях, исчез (см. примеч. 2 к § 18,1 и примеч. 3 к § 19,4).

3) В старославянском языке существовала заметная разница в склонении между словами **конь** и **гость**. Эта разница объясняется тем, что окончание основы в словах, как **конь, мѫжь, вратарь** было иное, чем в словах **гость, ѕвѣрь, огнь**. Основа первой группы слов оканчивалась в общеславянском языке на **jo**; основа второй группы слов оканчивалась на **ь** (см. § 24). Но, благодаря различным звуковым изменениям, окончание именит. падежа стало еще в общеславянском языке в обеих группах одинаковым (**ь**). Тогда склонение старых основ на **jo** стало смешиваться с склонением старых основ на **ь**. Такое смешение особенно заметно в древне-русском языке.

Кроме того, склонение основ на **jo**, сходное с склонением основ на **о**, стало, вместе с этим последним, смешиваться с скло-

нением основ на ъ; так объясняется, напр., древне-русская форма дат. пад. единств. ч. конєви (ср. рабови — сынови).

4) В форме вин. пад. множ. ч. в склонении основ на jo в древне-русском языке было окончание ѣ, соответственно старославянскому ѩ; напр., ст.-слав. конѩ, древне-русск. конѣ (ср. § 25,з).

5) В формах твор. пад. единств. ч. (сынъмь) и род. пад. множ. ч. (гостьи) глухие ъ и ь заменились в древне-русском языке в XII в. полными гласными о, е: сыномь (позже — сыном), гостей.

6) По типу **рабъ** склонялись также слова среднего рода на о, как **лѣто**, **мѣсто**. Отличались лишь формы имен. зват. вин. ед. ч. (**лѣто**) и имен.-вин. мн. ч. (**лѣта**). Но склонение слов средн. рода почти не подверглось влиянию склонения на ъ (типа **сынъ**).

7) По типу **конь** склонялись также имена существительные муж. рода с окончанием **н** (напр. **кран**) и имена средн. рода с окончанием **ѥ** (напр. **полѥ**). Отличались лишь формы имен. зват. вин. ед. ч. обоих родов (**кран**, **полѥ**) и имен. винит. множ. ч. в именах среднего рода (**полѩ**).

Склонение имен с основой на согласный звук.

§ 28. В общеславянском языке было еще особое склонение для имен существительных, основа которых оканчивалась на согласный звук. Во всех таких именах основа именит. пад. отличалась по своим конечным звукам от основы косвенных падежей. Это склонение перешло в старославянский и отчасти в древнерусский языки.

К этому склонению в старославянском языке принадлежали:

1) Имена среднего рода с основой на **н**: **нмѧ**—**нмєнє** (см. примечание к § 17,4); сюда же относились слова: **врѣмѧ**, **брѣмѧ**, **сѣмѧ** и др.

2) Имена мужеск. рода с основой на **н**: **камы** — **камєнє**, **пламы** — **пламєнє**; по этому же типу склонялось слово **дьнь**, кроме формы именит. пад. единств. числа — **дьнь**.

3) Имена средн. рода с основой на **т**: **отроѵѧ** — **отроѵѧтє**;

сюда же относились слова: **дѣтѧ, козьлѧ, прасѧ** (т.-е. поросенок) и др.

4) Имена средн. рода с основой на **с**: **небо — небесе**, сюда же относились слова: **чоудо, слово, око, оухо, коло** (современное русское колесо) и др.

5) Имена женск. рода с основой на **р**: **мати — матере** и **дъщи — дъщере** (древне-русск. дъчи — дъчере).

6) Имена женск. рода с основой на **ъв**: **црькы — црькъве**; сюда же относились слова: **боукы** (буква), **свекры** (свекровь) **смокы** (смоква) и др.

Примечание 1. Имена существительные с основой на согласный звук имели когда-то этот согласный и в именит. падеже единств. числа (**небо** — сравни греческое νέφος); но благодаря различным звуковым изменениям, бывшим в общеславянском языке, формы именит. пад. единств. числа утратили эти согласные звуки.

Примечание 2. В именах женского рода с окончанием именит. падежа **ы**: **црькы, свекры** основа оканчивалась не на согласный звук, а на **ы**. Звук **ы** в общеславянском языке перед гласными падежных окончаний чередовался с **ъв**; поэтому: **црькы — црькъве** (сравни **крыти — съкръвенъ, мыти — оумъвенъ**). Но так как эти имена склонялись по типу слов с основой на согласные, то они и могут быть отнесены к их группе.

Вот образцы старославянского склонения имен существительных с основой на согласный звук:

	Основа на **н** средн. рода.	Основа на **н** муж. рода.	Основа на т средн. рода.	Основа на **с** средн. рода.
		Единственное число.		
И. Зв.	**имѧ**	**камы**	**отроча**	**небо**
Р.	**имене**	**камене**	**отрочѧте**	**небесе**
Д.	**имени**	**камени**	**отрочѧти**	**небеси**
В.	**имѧ**	**камень**	**отроча**	**небо**
Тв.	**именьмь**	**каменьмь**	**отрочѧтьмь**	**небесьмь**
М.	**имене**	**камене**	**отрочѧте**	**небесе**

Множественное число.

И. Зв.	имена	камене	отроуата	небеса
Р.	именъ	каменъ	отроуатъ	небесъ
Д.	именьмъ	каменьмъ	отроуатьмъ	небесьмъ
В.	имена	камени	отроуата	небеса
Тв.	имены	каменьми	отроуаты	небесы
М.	именьхъ	каменьхъ	отроуатьхъ	небесьхъ

	Основа на р женск. рода.		Основа на ъв женск. рода.	
	Единств. ч.	Множ. ч.	Единств. ч.	Множ. ч.
И. Зв.	мати	матери	црькы	црькъви
Р.	матере	матеръ	црькъве	црькъвъ
Д.	матери	матерьмъ	црькъви	црькъвамъ
В.	матерь	матери	црькъвь	црькъви
Тв.	материѭ	матерьми	црькъвиѭ	црькъвами
М.	матери	матерьхъ	црьвъве	црькъвахъ

Примечание. Имена с основой на согласный звук не были многочисленны; вместе с тем, склонение этих имен заметно подчинялось склонению имен с другими основами, особенно с основами на ъ мужеск. и женск. рода. Поэтому, в дошедших до нас старославянских памятниках совсем не встречается некоторых форм от имен с основой на согласный звук. Так, напр., для многих слов нет форм двойств. числа (**мати**, **црькы**, **отроуа**). Как образцы встречающихся форм двойств. числа, могут быть указаны формы имен.-винит. пад. — **тѣлесѣ**, род.-местн. пад. — **тѣлесоу**, дат.-твор. пад. — **тѣлесьма**. Слова **оухо** и **око** имели формы двойств. числа от основ на ъ: **оуши** — **оушию** — **оушима**.

История склонения в русском языке.

§ 29. Древне-русское склонение отличалось от склонения старославянского главным образом смешением форм разных типов склонения. Смешение это объясняется следующим образом. Если, напр., от слова рабъ производили формы раба — рабу, то легко могли производить такие же формы и от слова сынъ, которое в именит. пад. единств. числа было вполне сходно со словом рабъ; таким образом, стали говорить сына — сыну (вместо

сыну — сынови) и т. д. Точно также, если говорили конь — коня — коню, то легко могли говорить и гость — гостя — гостю (вместо гости — гости) и т. д.

В основе таких новообразований лежали уже не физиологические причины, т.-е. не укладка органов речи (ср. § 21), но причины психические, а именно действие закона ассоциации по сходству. Такие изменения языка, которые совершаются под влиянием психического закона ассоциации, называются изменениями по аналогии. Изменения по аналогии сыграли очень важную роль в истории русского склонения.

История русского склонения после XII века была такова:

1) Старая форма именит. пад. множ. числа имен мужеского рода основ на **о** (раби) заменилась в древне-русском языке формою винит. пад. множ. числа (рабы). Эта замена объясняется тем, что именит. и винит. падежи часто бывали сходны между собою в древне-русском языке (напр., всегда в именах среднего рода, в двойств. числе и т. п.). Новые формы именит. падежа на **ы** (рабы) стали появляться в рукописях с XIII века; напр., «сташа обои послы» (вместо посли).

2) Формы разных типов склонения стали в древне-русском языке смешиваться между собою под влиянием аналогии. Это смешение сначала внесло некоторый беспорядок в употребление форм (см. § 27 и образцы). Но постепенно одни формы вышли из употребления, уступив свое место другим, и таким образом система русского склонения упорядочилась. Но, при этом, древнее разнообразие типов склонения значительно уменьшилось, а именно:

А) Два типа склонения имен мужеск. рода с окончанием имен. пад. единств. числа **ъ** (рабъ и сынъ) соединились в один тип, при чем восторжествовало склонение старой основы на **о** (типа рабъ). Старое склонение основы на **ъ** (ȣ) (типа сынъ) было забыто, хотя от него до сих пор остались некоторые следы в склонении слов мужеского рода с окончанием именит. пад. единств. числа на твердый согласный (др.-русск. **ъ**), а именно:

а) В родит. падеже единств. числа этих слов мужеского рода до сих пор бывает окончание **у**: гороху, сахару (напр., в выражении: фунт сахару).

б) В местном падеже единств. числа до сих пор сохраняется, рядом с окончанием **ѣ** (современное литературное **е**), и окончание **у** (под ударением): на полу́, на верху́, в лесу́, в углу́.

в) Для родит. падежа множ. числа сохранились обе старые формы: на **овъ** (современное **ов**) от основ на **ъ**, напр., столов, фунтов и на **ъ** (теперь без флексии) от основ на **о**, напр., глаз, солдат. Формы с окончанием **ов** в литературном языке более распространены, чем формы без этого окончания. В народных же великорусских говорах они продолжают распространяться до сих пор; так, говорят: разов, рублёв, и даже в словах среднего рода — местов, яблоков.

Б) Два типа склонения имен мужеск. рода с окончанием в именит. пад. единств. числа **ь** (теперь на мягкий согласный) — конь и гость — соединились в один тип, при чем восторжествовало склонение основ на **jo** (конь). Слова, как гость, зверь, огонь (с старой основой на **ь**), склоняются теперь по типу слова конь. Лишь для родит. пад. множ. числа употребляется форма от основ на **ь**: гостей, зверей, коней (вместо забытой древне-русской формы конь — см. § 27). И только для слова путь сохраняется в единств. числе старое склонение на **ь**.

Таким образом, все слова мужеск. рода с старым окончанием **ъ**, **ь**, **й** и слова среднего рода с окончанием **о**, **е** составляют в современном русском литературном языке один тип склонения.

В) Старые имена мужеск. рода на **ъ**, **ь**, **й**, имена средн. рода на **о**, **е** и имена женск. рода на **ь** в формах дат., твор., местн. пад. множ. числа имеют теперь в литературном языке окончания **ам**, **ами**, **ах** (**ям**, **ями**, **ях**), вместо своих старых окончаний (см. образцы). Эта перемена произошла под влиянием склонения слов женского рода на **а**: по аналогии с формами — женам — женами — женах, стали говорить: рабам — рабами — ра-

бах, костям — костями — костях и т. п. Такие окончания **ам, ами, ах** стали появляться только с XIII века.

Г) Имена, основа которых оканчивалась на согласный звук (см. § 28), значительно изменили свое древнее склонение по аналогии с другими, более употребительными типами склонения. Многие имена с основами на согласный постепенно даже совсем потеряли свое старое склонение; напр., слово камень (камъı — от основы на **н**) склоняется теперь, как все слова мужеск. рода типа на **ъ**; слово слово (от основы на с — см. образец **нєбо**) склоняется теперь, как все слова средн. рода типа на **о** и т. п. Другие имена существительные, происшедшие от основ на согласные, сохраняют некоторые остатки своих старых форм; таковы слова: имя, мать, дитя, небо и др. (ср. образцы § 28).

3) Формы твердых типов склонения оказали в древнерусском языке влияние на формы соответствующих мягких типов. Вследствие этого, старое различие этих двух типов (т.-е. твердого — нейотованного и мягкого — йотованного), сохранявшееся в старославянском языке и в русском языке в древнейшую эпоху, стало в русском языке после XII века нарушаться. Так произошли следующие изменения:

а) в склонении имен женск. рода с окончанием **ѩ** (я)

	параллельно формам:	явились формы:
Р. пад. единств. числа	жены	земли
Д. » » »	женѣ (жене)	землѣ (земле)
Тв. » » »	женою	землёю
М. » » »	женѣ (жене)	землѣ (земле)
И. В. пад. множ. числа	жéны	зéмли

(ср. образцы § 25);

б) в именах мужеск. рода с окончанием **ь, й** и средн. рода с окончанием **е** в форме местн. пад. единств. числа окончание **и** заменилось окончанием **ѣ**, по аналогии с твердым типом склонения: о конѣ, как о рабѣ (см. § 27); теперь в литературном произношении — о коне, о рабе.

4. В древне-русском склонении перед падежными окончаниями **ѣ** и **и**, вместо задненебных звуков **г**, **к**, **х**, слышались звуки **з**, **ц**, **с** (см. § 18,2); напр., форма дат. и местн. пад. единственного числа от слова нога была нозѣ, форма именит. пад. множ. числа от слова вълкъ была вълци и т. п. Но в большинстве падежных форм перед другими окончаниями сохранялись **г**, **к**, **х**. По аналогии с этими формами, начиная с XIII века, стали появляться **г**, **к**, **х** и перед окончаниями **ѣ** и **и**; так стали говорить и писать: ногѣ, рукѣ, дýхи, волки и т. п. Так говорим мы и теперь. Но в белорусском и малорусском наречиях до сих пор сохраняются старые формы со смягченными **з**, **ц**, **с** (см. § 6,4).

Примечание. В родит. пад. един. числа и в именит.-винит. множ. числа от основ на **а** было в древне-русском языке окончание **ы**, напр., руки, ноги; в XII веке это окончание заменилось окончанием **и**: руки, ноги; но изменения задненебных уже не было (см. § 20,3). Поэтому, в древне-русском языке не было форм со смягченными **з**, **ц**, **с** перед **и** в основах на **а**; нет таких форм и в белорусском и в малорусском наречиях.

5. В древне-русском языке, так же как и в старославянском, имена предметов одушевленных имели такие же формы винит. пад., как и имена предметов неодушевленных; напр., в Остромировом евангелии читается: **посъла рабъ свои** (т.-е. послал раба своего) и **аще бы вѣдѣла даръ бжии** (т.-е. если бы знала дар божий); или: **изгъна дхы словъмь** (т.-е. изгнал дýхов словом) и **тъ недѫгы наша принѧтъ** (т.-е. тот недуги наши принял). Но уже в древнейших русских памятниках формы винит. пад. для имен предметов одушевленных стали в некоторых случаях заменяться формами родит. падежа; так, в том же Остромировом евангелии встречаются такие примеры: **славлѣахѫ ба** (т.-е. славили бога), **чьтѫ оца моего** (т.-е. чту отца моего) и т. п. Употребление форм одного падежа (родительного) в значении другого падежа (винительного) относится к синтаксическим явлениям языка. В современном русском литературном языке такое синтаксическое употребление форм родит. пад. в значении винит. пад. для имен пред-

метов одушевленных встречается: а) в единств. и во множ. числах для имен мужеск. рода, напр., вижу брата, братьев; б) во множ. числе для имен женск. рода, напр., вижу сестер, дочерей; в) во множ. числе для слова среднего рода дитя, напр., вижу детей (в др.-русск. это слово во множ. числе было женск. рода). В остальных случаях употребляются старые формы винит. пад., напр., вижу стол, руку, кость, мать и т. п. Но в некоторых отдельных выражениях до сих пор сохраняются старые формы винит. пад. и для имен предметов одушевленных мужеск. рода, напр., выйти замуж (т.-е. за мужа, ср. выйти за купца), поступить в солдаты, произвести в офицеры и т. п.

6. Формы зват. пад. постепенно вышли из употребления в русском литературном языке. В нем сохранилось лишь несколько старых форм зват. пад. для слов, обычно встречающихся в молитвах, напр., боже, господи, царю небесный и т. д.

7. Формы двойственного числа заменились формами множественного числа. Эта замена началась в конце XII в.; а с XV в. формы двойств. числа уже почти не встречаются в памятниках. В современном русском литературном языке сохраняются лишь небольшие остатки форм двойств. числа; таковы формы мужеск. рода при числительных два, три, четыре, напр., два стола, три человѣка (см. образцы § 27), хотя эти формы понимаются теперь, как формы родит. пад. единств. числа; такова же старая форма именит.-винит. пад. двойств. числа уши (см. примечание на стр. 50), хотя эта форма понимается теперь, как форма именит.-винит. пад. множ. числа.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ.

Именная и местоименная формы имен прилагательных.

§ 30. Имена прилагательные имеют в современном литературном языке 2 формы — краткую и полную: добр и добрый. Краткая форма употребляется только для выражения сказуемого и стоит, поэтому, всегда в именительном падеже; напр., брат добр, тетрадь мала. Но в древне-русском и в старославянском языках имена прилагательные в краткой форме служили также и для выражения определения; поэтому, они употреблялись во всех падежах, т.-е. склонялись. Склонение их было точно такое же, как и склонение имен существительных с соответствующими основами. Поэтому, краткая форма имен прилагательных называется иначе именной. Так, напр., добръ склонялось, как рабъ; в женском роде добра склонялось, как жена и т. п.: именит. — добръ рабъ, родит. — добра раба, дат. — добру рабу и т. д. Синь, синꙗ, синѥ склонялись, как конь, землꙗ, полѥ и т. п.

Но далее для выражения определения стали употребляться главным образом имена прилагательные в полной форме. Краткие же имена прилагательные оставались только для выражения сказуемого; поэтому, они утратили постепенно склонение, сохранив только формы именительного падежа.

> *Примечание.* Прилагательные притяжательные сохранили до сих пор краткие формы и именное склонение. Напр., именит. — дядин дом, родит. — дядина дома, дат. — дядину дому. Некоторые формы, напр., форма творительного падежа дядиным домом, заимствованы из склонения полных прилагательных.

Полные формы имен прилагательных образовались еще в общеславянском языке из кратких с помощью присоединения форм указательного местоимения: мужеского рода — и, женского рода — ꙗ, среднего рода — ѥ. Поэтому, полные формы имен прилагательных называются иначе местоименными.

§ 31. Указательное местоимение и, ꙗ, ѥ в именительном падеже единств. и множеств. чисел не употреблялось в старославянском и в древне-русском языках. Оно заменялось другим указательным местоимением **онъ, она, оно**. Но в соединении с частицей же это местоимение употреблялось и в именительном падеже в значении относительного местоимения который: **иже, ꙗже, ѥже**.

Склонение местоимения и, ꙗ, ѥ.

Склонение местоимения и, ꙗ, ѥ в старославянском и в древне-русском языках было таково:

	Мужеск. род.	Средний род.	Женский род.
		Единственное число.	
И.	и-же	ѥ-же	ꙗ-же
Р.	ѥго	как в муж.	ѥѩ, др.-р. ѥѣ
Д.	ѥмоу		ѥи
В.	и, ѥго	ѥ	ѭ; др.-р. ю
Тв.	имь	как в муж.	ѥѭ; др.-р. ѥю
М.	ѥмь (о немь)		ѥи
		Множественное число.	
И.	и-же	ꙗ-же	ѩ-же; др.-р. ѣ
Р.	ихъ	как в муж. р.	
Д.	имъ		
В.	ѩ; др.-р. ѣ	ꙗ	ѩ; др.-р. ѣ
Тв.	ими	как в муж. р.	
М.	ихъ		

Различия в склонении этого местоимения между старославянским и древне-русским языками объясняются обычными звуковыми и формальными различиями между этими языками. Так напр., старославянской форме родит. пад. единств. числа женского рода ѥѩ соответствовала древне-русская форма ѥѣ (сравн. § 25,з).

Примечание. Особенностью литературного русского склонения является форма винит. и родит. падежей единств. числа женского рода её. Эта форма стала употребляться с XIV века.

Образование полных форм имен прилагательных.

§ 32. Имена прилагательные краткие, соединившись с формами местоимения и, ꙗ, ѥ, образовали в общеславянском языке полные местоименные формы. При образовании полных форм к каждой падежной форме краткого прилагательного присоединялась соответствующая падежная форма местоимения. Так, при образовании формы именит. пад. единств. числа мужеского рода к краткой форме **добръ** присоединялась форма **и** и получалась форма **добръи**; точно так же образовалась форма имен. пад. единств. числа женск. рода—**добра-ꙗ**, среднего рода — **добро-ѥ**, форма родит. пад. мужеского рода **добра-ѥго** и т. д. Таким образом получилось сложное склонение имен прилагательных.

Но при слиянии двух форм в соприкоснувшихся звуках произошли некоторые изменения, которые повели в общем к упрощению этого сложного склонения. Так, вместо формы родит. пад. единств. числа муж. рода **добраѥго**, стали появляться формы **добрааго** и далее — **добраго**; вместо формы родит. пад. единств. ч. женского рода **добрыѩѩ** появилась форма **добрыѩ**. В результате таких изменений составные части сложных имен прилагательных стали мало заметны, а иногда и совсем незаметны. Такое упрощение в полных формах имен прилагательных было отчасти и в старославянском языке. В русском же языке полные имена прилагательные постепенно совсем утратили свой сложный характер.

Склонение сложных имен прилагательных в старославянском и в древне-русском языках было таково:

	Старославянский язык.	Древне-русский язык.
	Мужеский род.	
И.	**добръи, добрыи**	добрыи, доброи
Р.	**добраѥго, добрааго, добраго**	доброго
Д.	**доброуѥмоу, доброуоумоу, доброумоу**	доброму

В.	**добръи, добрꙑи**	как им. или род.
Тв.	**добрꙑимь, добрꙑмь**	добрымь
М.	**добрѣѥмь, добрѣмь**	добрѣмь, добромь

Женский род.

И.	**добраꙗ**	добрая
Р.	**добрꙑѩ**	добрыѣ, доброѣ
Д.	**добрѣи**	добрѣи, доброи
В.	**добрѫѭ**	добрую
Тв.	**доброѭ**	доброю
М.	**добрѣи**	добрѣи, доброи

Формы среднего рода равны формам мужеского рода, только —

И. В.	**доброѥ**	доброє

Множественное число.

И.	м. р.	**добрии**	добрии
	ж. »	**добрꙑѩ**	добрыѣ
	ср. »	**добраꙗ**	добрая
Р.		**добрꙑихъ, добрꙑхъ**	добрыхъ
Д.		**добрꙑимъ, добрꙑмъ**	добрымъ
В.	м. р.	**добрꙑѩ**	добрыѣ
	ж. »	**добрꙑѩ**	добрыѣ
	ср. »	**добраꙗ**	добрая
Т.		**добрꙑими, добрꙑми**	добрыми
М.		**добрꙑихъ, добрꙑхъ**	добрыхъ

Примечание. Современное русское литературное склонение имен прилагательных имеет некоторые особенности правописания, а именно:

а) Формы именит. пад. единств. числа мужеского рода в живом литературном произношении и в великорусском наречии оканчиваются на **ой, ей** (с изменением **о** и **е** по законам аканья): доброй (см. § 6,2, примечание и § 10,1). Но в пра-

вописании окончание **ой** сохранилось только под ударением: слѣпóй. Для остальных случаев в письме, со времени Ломоносова, употребляются окончания **ый** и **ій**, заимствованные из старославянского языка.

б) Формы родит. пад. единств. ч. муж. и ср. рода в живом литературном произношении и в большинстве великорусских говоров оканчиваются на **ова**, **ева** (с изменениями **о**, **е** без ударения по закону аканья). Но по правилам правописания в род. пад. пишется окончание **ого** (ср. § 10,в).

в) Также в именит. падеже множеств. числа в живом произношении слышатся окончания **ыи** или **ые** (**іи**, **ие**) — одинаково для всех 3-х родов. На письме употребляется окончание **ые** (**ие**).

Степени сравнения.

§ 33. От форм положительной степени имен прилагательных качественных отличаются формы сравнительной и превосходной степеней.

В русском литературном языке есть две особые формы степеней сравнения:

1) с суффиксами **ее** (**ѣе**) или **е** для выражения сравнительной степени; эти формы не склоняются, не изменяются по родам и числам и могут служить только для выражения сказуемого; напр.: аршин длиннее фута.

2) с суффиксами **ейш-ий** (**ѣйш-ій**), после шипящих (**-айш-ий**) и **ш-ий** (**ьш-ій**); напр. умнейший, легчайший, лучший, больший. Формы на **ейший** обозначают превосходную степень; формы на **шій** обозначают обе степени: брат получил лучший подарок, чем я (сравнительная степень); это — лучшее воспоминание моей жизни (превосходная степень).

Эти формы современного литературного языка не вполне соответствуют формам степеней сравнения в старославянском и в древне-русском языках. А именно:

1) Суффиксы **ѣиш** (**аиш**), **ш** (**ьш**) служили в старославянском и в древне-русском языках только для выражения сравнительной степени. Превосходная же степень выражалась прибавлением к форме имени прилагательного приставок **наи**, **прѣ**; напр. **наилоучии**, **прѣлѣпыи**.

2) Имена прилагательные в сравнительной степени в старославянском и в древне-русском языках имели краткие (именные) и полные (местоименные) формы.

Склонение кратких форм имен прилагательных сравнительной степени было сходно с склонением кратких форм имен прилагательных положительной степени (см. § 30) Отличались только некоторые формы именит и винит. падежей, а именно:

а) Краткие формы именит. и винит. пад. единств. ч. муж. и ср. рода не имели полных суффиксов **ѣиш (аиш), ш (ьш)**; они были таковы:

Краткая форма им. вин. пад. ед. ч. муж. р. — **болии, новѣи**
» » » » » » » ср. » — **болѥ, новѣѥ**

Примечание. Отличие суффиксов этих форм от суффиксов всех других падежей объясняется изменениями, которые произошли в формах имен. пад. ед. ч. муж. и ср. рода еще в общеславянском языке.

б) Краткая форма имен. пад. множ. ч. муж. рода оканчивалась на **е**; напр. **больш-є, новѣиш-є**.

в) Краткая форма имен. пад. единств. ч. женск. рода оканчивалась на **и**; напр. **больш-и, новѣиш-и**.

Таким образом, склонение это в старославянском языке было таково:

Единственное число.

	Муж. р.	Средн. р.	Женск. р.
И.	**болии—новѣи**	**болѥ—новѣѥ**	**больш-и**
Р.	**больш-а**	как в муж. р.	**больш-ѧ**
Д.	**больш-оу**	» » » »	**больш-и и т. д.**

Множественное число.

И.	**больш-є**	**больш-а**	**больш-ѧ**
Р.	**больш-ь**	как в муж. р.	**больш-ь**
Д.	**больш-ємъ**	» » » »	**больш-амъ**
В.	**больш-ѧ**	**больш-а**	**больш-ѧ и т. д.**

Склоненпе полных форм имен прилагательных сравнительной степени было сходно с склонением полных форм положительной степени. Но при этом:

а) Полные формы имен. пад. единств. ч. муж. рода не отличались от кратких; напр., **болии, новѣи**.

б) Полные формы имен. пад. единств. ч. ср. р. были двояки: **болѥѥ, новѣѥ** и **большеѥ, новѣншеѥ**.

Таким образом, склоненпе это в старославянском языке было таково:

Единственное число.

	Муж. р.	Средн. р.	Женск. р.
И.	**болии, новѣи**	**болѥѥ (большеѥ)**	**большии-ꙗ**
Р.	**больша-ѥго**	**больша-ѥго**	**большѧ-ѩ**
Д.	**большоу-ѥмоу**	**большоу-ѥмоу**	**большии-и** и т. д.

История степеней сравнения в русском языке.

§ 34. Отличия древне-русского склонения от старославянского в формах сравнительной степени были сначала такие же, как и в склонении форм положительной степени. Но скоро в древнерусском языке стали происходить особые явления в употреблении кратких форм сравнительной степени.

В старославянском и в древне-русском языках краткие формы сравнительной степени (как и положительной) могли употребляться в качестве определения; в таком случае они согласовались в роде, числе и падеже со своими определяемыми. Но далее краткие формы сравнительной степени (как и положительной) стали терять в древне-русском языке свое склонение. Сохранялись только формы именит. пад. всех родов и чисел (ср. § 30). Эти сохранявшиеся краткие формы именит. пад. с XIII века стали употребляться уже только для выражения сказуемого (т.-е. только в именит. падеже); но, при этом, согласование в роде и числе стало нарушаться, т.-е. формы разных родов и чисел стали смешиваться между собою. В древне-русских памятниках встречаются такие примеры:

нѣсть ученикъ выше учителя (вместо вышии — именит. пад. муж. р. единств. ч.);

каꙗ ѥсть заповѣдь первѣи всѣхъ (вместо первѣиши — именит. пад. жен. р. единств. ч.);

зане ѥсть Христосъ честнѣѥ насъ (вместо честнѣи — именит. пад. муж. р. единств. числа).

Утрата одних и смешение других кратких форм сравнительной степени привели к тому, что в современном русском литературном языке сохранилось лишь несколько старых форм именительного падежа, которые служат для выражения сказуемого и не изменяются ни по родам, ни по числам. Эти формы следующие:

на **ей**: честней, умней — старая форма именит. пад. единств. числа муж. рода (на **ѣи**);

на **ее**: честнее, умнее — старая форма именит. пад. единств. числа средн. рода (на **ѣѥ**);

на **е**: хуже, шире — старая форма именит. пад. единств. ч. средн. рода;

на **ше**: больше, меньше — старая форма именит. пад. множ. числа муж. рода.

Местоименные же формы сравнительной степени (как и положительной) сохранили до сих пор полное склонение. Но при этом формы именит. пад. единств. ч. несколько изменились. Формы муж. и средн. рода получили суффиксы **ейш** (**айш**), **ш** (**ьш**) по аналогии с формами других падежей; напр.: большпй, новейший; формы женск. рода получили окончание **ая** по аналогии с формами положительной степени; напр.: новейшая. При этом, полные формы старой сравнительной степени с суффиксом **ейш-ий** (**айш-ий**) получили в русском литературном языке значение специально превосходной степени. И лишь полные формы с суффиксом **ший** сохраняют еще отчасти первоначальное значение сравнительной степени; напр.: меньший, больший. Старые формы превосходной степени, образованные присоединением к форме имени прилагательного приставок **наи, пре** (старослав. **прѣ**), употребляются в значении превосходной степени и в современном литературном языке.

СПРЯЖЕНИЕ.

Общие замечания о др.-русском спряжении.

§ 35. История форм спряжения в русском языке в общих чертах сходна с историей форм склонения, а именно:

1) Образование форм первоначально было одинаковым в старославянском и в древне-русском языках. Но в некоторых формах между этими языками уже в XI в. существовали звуковые различия.

Одни из таких различий вполне объясняются звуковыми особенностями древне-русского языка. Так напр., старославянской форме наст. врем. 1 лица единств. ч. **могѫ** соответствовала древне-русская форма — могу (ср. § 17,4).

Некоторые же другие различия между старославянскими и древне-русскими формами, хотя и носили звуковой характер, но встречались лишь в некоторых определенных формах спряжения (ср. § 25,3). Так напр., вместо старославянской формы наст. вр. 2 л. единств. ч. **читалєши** в древне-русском языке была форма читаѥшь.

2) Но после XI века в древне-русском спряжении происходили новые изменения, главным образом — в употреблении форм. Постепенно русский язык утрачивал многие формы (в том числе формы двойств. числа), и поэтому русское спряжение (как и склонение) стало беднее, чем было в древнее время, т.-е. чем было в древне-русском и в старославянском языках.

Настоящее время.

§ 36. Формы настоящего времени в древне-русском и в старославянском языках были значительно сходны между собою.

Старославянский язык.	Древне-русский язык.
Единственное число.	
несѫ	несу
несєши	несешь
несєтъ	несетъ

Множественное число.

несемъ	несемъ
несете	несете
несѫтъ	несуть

Двойственное число.

несевѣ

несета

несете, несета

К формам настоящего времени надо сделать следующие замечания:

1) В форме 2 лица единств. числа в древне-русском языке было окончание **шь** вместо старославянского **ши**; напр. старосл. **несеши**, древне-русск. — несешь.

Примечание. Хотя и до сих пор пишется в этой форме на конце **шь**, но звук **ш** в произношении отвердел. Поэтому, в литературном языке перед этим отвердевшим **ш** вместо **е** слышится под ударением **о** (**ё**); несёшь; также несёт, несём. По аналогии с этими формами, **о** (**ё**) произносится и в форме несёте (см. § 4,2).

2) Формы 3 лица единств. числа и 3 лица множеств. числа в старославянском языке имели окончание **тъ**. В древне-русском языке эти формы имели окончание **ть**; так в старослав. было **несетъ, несѫтъ**, а в древне-русском—несеть, несуть. Но позже, с конца XIII века, в северно-русских памятниках начинают встречаться формы 3 лица единств. и множеств. числа с окончанием **тъ.** Это показывает, что в северно-русских говорах конечное **т** в этих формах отвердело (сравни § 4,6). Твердое **т** в окончаниях 3 лица глагольных форм перешло в московский говор и стало особенностью литературного произношения.

§ 37. В старославянском и в древне-русском языках были еще глаголы, которые имели особые формы настоящего времени: **быти, ѣсти (ꙗсти), вѣдѣти** (т.-е. знать) и **дати.** Эти глаголы имели в 1 лице единств. числа окончание **мь** и спрягались в старославянском языке так: Глаголы на мь.

ѥсмь	ѣмь	вѣмь	дамь
ѥси	ѣси	вѣси	даси
ѥстъ	ѣстъ	вѣстъ	дастъ
ѥсмъ(ы)	ѣмъ	вѣмъ	дамъ
ѥсте	ѣсте	вѣсте	дасте
сѫть	ѣдатъ	вѣдатъ	дадатъ

Настоящее время вспомогательного глагола быти опускалось уже в древнейших русских памятниках и постепенно совсем вышло из употребления. Теперь только в книжном языке встречаются формы 3-го лица есть (древне-русская форма вместо старославянской єстъ) и суть.

Примечание. Настоящее время глагола ѣмь (ѣсть) сохранилось в литературном языке, но: а) с изменениями форм 2 лица единств. числа (ешь) и 1-го и 2-го лица множеств. числа (едим, едите), б) в форме 1-го лица единств. числа окончание **мь** отвердело: **ем**.

Глагол вѣмь (вѣдѣти) не употребляется теперь в русском языке; но одна форма сохранилась в выражении «бог весть».

Настоящее время глагола дамь (дати) сохранилось, но: а) многие формы при этом изменились, б) эти формы обозначают теперь не настоящее время, а будущее.

Будущее время.

§ 38. Формы будущего простого времени ничем не отличались и не отличаются от форм настоящего времени (сравни напр. беру и возьму).

Разница между настоящим и будущим временем заключается только в видовом значении глагола: если глагол совершенного вида, то его формы настоящего времени обозначают по смыслу будущее время. Напр., глагол говорить — несовершенного вида, и потому его формы: говорю, говоришь и т. д. обозначают настоящее время. Но, напр., глагол сказать — совершенного вида, и соответствующие его формы: скажу, скажешь и т. д. обозначают будущее время.

Поэтому, глаголы совершенного вида не имеют настоящего

времени; глаголы же несовершенного вида не имеют будущего простого, а имеют только будущее сложное.

Примечание. Глагол быть имеет будущее простое время (буду) и настоящее (есмь); но формы настоящего времени образованы от другого корня.

Формы будущего сложного времени образуются теперь из форм будущего простого глагола быть и неопределенного наклонения спрягаемого глагола. В древне-русском языке, кроме глагола быть, могли употребляться еще некоторые другие глаголы: начьну, стану, иму, хочу; напр.: «не имам уже царствовати».

§ 39. Важным признаком глагола является изменение по лицам. Между тем, формы прошедшего времени в современном русском языке по лицам не изменяются; напр.: я читал, ты читал, он читал и т. п. Однако, прежде, в древне-русском языке, как и в старославянском, были простые прошедшие времена, формы которых изменялись по лицам. Это были аорист и преходящее время. Прошедшее время.

§ 40. Аорист служил для выражения простого совершенного времени. В старославянском и в древне-русском языках формы аориста были таковы: Аорист.

Единственное число.

(люби-ти)	(нес-ти)
люби-х-ъ	нес-о-х-ъ
люби	нес-е
люби	нес-е

Множественное число.

люби-х-о-мъ	нес-о-х-омъ
люби-с-те	нес-о-с-те
люби-ша (в др.-р. —ша)	нес-о-ша (в др.-р. —ша)

Двойственное число.

люби-х-о-вѣ	нес-о-х-о-вѣ
люби-с-та	нес-о-с-та
люби-с-те, -та	нес-о-с-те, -та

При образовании форм аориста в общеславянском языке к основе неопределенного наклонения присоединялся суффикс **с**. При этом, если основа оканчивалась на гласный звук, то суффикс присоединялся непосредственно к основе; напр. **люби-с-те**. Если же основа оканчивалась на согласный звук, то суффикс присоединялся посредством соединительных гласных **о** или **є**, напр. **нєс-о-с-тє**. Затем к суффиксу присоединялись личные окончания.

Но в том же общеславянском языке в суффиксе и в окончаниях произошли некоторые изменения (напр. **с** переходило иногда в х; х по I смягчению изменялось в **ш**; конечные согласные звуки отпадали). В результате, в старославянском и в древне-русском языках и оказались вышеприведенные формы аориста.

Примечание 1. В старославянском языке были еще другие формы аориста от глаголов с основой на согласные звуки, а именно:

1. Суффикс присоединялся прямо к основе без соединительных гласных; при этом, конечный согласный звук основы выпадал, а гласный корня иногда изменялся. Так получались формы:

Единств. число.	Множ. число.	Двойств. число.
рѣхъ (из **рѣк-хъ**)	**рѣхомъ**	**рѣховѣ**
рєчє (см. прим. 2)	**рѣстє**	**рѣста**
рєчє	**рѣша**	**рѣстє**

Также — **нѣсъ** (из **нѣс-съ**) и т. п.

Эти же глаголы имели и обычные формы: **рєкохъ, нєсохъ** и т. д.

2. К основе на согласный звук присоединялись окончания с помощью соединительных гласных **о**, **є**, но без суффикса **с-х**.

Так получились формы: **мог-ъ, пад-ъ, ид-ъ и т. п.**:

Единств. число.	Множеств. число.	Двойств. число.
мог-ъ	**мог-омъ**	**мог-овє**
мож-є	**мож-єтє**	**мож-єта**
мож-є	**мог-ѫ**	**мож-єтє и т. п.**

Примечание 2. Образование славянского аориста может быть сопоставлено с образованием аориста греческого. В общеславянском, как и в греческом, языках образование аориста было двояким: 1) с помощью суффикса **с** (**х**) $= \sigma$, — так назы-

ваемый аорист сигматический, и 2) без суффикса **с** (**х**) = σ, — аорист простой, несигматический. Но в общеславянском языке произошло смешение и взаимное влияние этих 2-х типов аориста. Формы сигматического аориста были вообще более распространены. Но для 2 и 3 лица единственного числа совсем не сохранилось сигматических форм.

§ 41. Аорист имел значение прошедшего совершенного времени. Для выражения же прошедшего несовершенного в старославянском и в древне-русском языках служило п р е х о д я щ е е в р е м я. Существенным признаком форм преходящего времени были суффиксы **аах — ѣах** (**аас — ѣас**); к этим суффиксам присоединялись личные окончания, большею частью с помощью соединительных гласных. Напр., от глагола **нести** формы преходящего времени в старославянском языке были таковы: Преходящее время.

Единств. число.	Множ. число.	Двойств. число.
нес-ѣахъ	**нес-ѣахомъ**	**нес-ѣаховѣ**
нес-ѣаше	**нес-ѣасте**	**нес-ѣаста**
нес-ѣаше	**нес-ѣахѫ**	**нес-ѣасте, та**

Кроме таких полных форм, в старославянских и в древне-русских памятниках часто встречаются стяженные формы преходящего времени: **несѣхъ** (из **несѣахъ**), **брахъ** (из **браахъ**), др.-русск. **бяхъ, несяхъ** и т. п.

Примечание. Глагол **быти** имел двоякие формы для выражения преходящего времени:

бѣахъ	**бѣхъ**
бѣаше	**бѣ**
бѣаше	**бѣ**
бѣахомъ	**бѣхомъ**
бѣашете	**бѣсте**
бѣахѫ	**бѣша**

Формы **бѣхъ, бѣ** и т. д. были по своему образованию формами аориста, но употреблялись в значении преходящего времени.

§ 42. Формы аориста и преходящего времени были в общеславянском языке и перешли затем во все славянские языки. В некоторых из них эти формы сохраняются до сих пор (в серб- Потеря форм аориста и преход. вр. в др.-р. яз.

ском, в болгарском). В древне-русском языке тоже были формы аориста и преходящего времени. Но эти формы в древне-русском языке не имели такого последовательного употребления, как в языке старославянском. В памятниках, особенно чисто-русских (как, напр., грамоты, «Русская Правда»), они употреблялись редко. Эти формы заметно исчезали из живого русского языка, и с XV века они почти не встречаются в рукописях; а если и встречаются, то в неправильном употреблении, напр.: «старецъ сотворихъ молитву» (сотворихъ — форма 1 лица, вместо формы 3 лица — сотвори).

Сложные формы прошедшего времени.

§ 43. Когда в древне-русском языке стали исчезать формы аориста и преходящего времени, то надо было вместо них употреблять другие формы. Такими формами явились в древне-русском языке сложные формы прошедшего времени.

Сложные формы прошедшего времени были и в древне-русском и в старославянском языках. Они представляли собой соединение спрягаемой формы вспомогательного глагола **быти** и особого причастия. Это причастие образовывалось от основы неопределенного наклонения с помощью суффикса **л** и родовых окончаний **ъ**, **а**, **о** и т. п. (как у имен прилагательных кратких). Причастия на **л** не склонялись, а имели только формы именит. падежа для всех чисел и родов. Так напр., от глаголов:

чнтатн были причастия: **чнта-лъ,-ла,-ло**—в единств. числе,
чнта-лн,-лы,-ла во множеств. числе,
нести—нес-лъ, нес-ла, нес-ло и т. д.
печн (пек-тн)—пек-лъ, пек-ла,пек-ло и т. д.

Сложных прошедших времен было два:

1) Прошедшее совершенное (по значению perfectum); оно состояло из соединения форм настоящего времени глагола **быти** и причастия на **л**: **юсмь купилъ-а-о, юси купилъ-а-о.**

2) Сложное давнопрошедшее (по значению — plusquamperfectum); оно состояло из соединения форм преходящего времени глагола **быти** и того же причастия на **л**: **бѣахъ купилъ, бѣаше ку-**

пилъ и т. д. Но вместе с утратой форм преходящего времени, древне-русский язык утратил и формы давнопрошедшего времени.

Зато употребление форм сложного прошедшего совершенного было очень распространено в древне-русских памятниках. Эти то именно формы и стали вытеснять собою формы аориста и преходящего времени, которые, наконец, к XVI веку совсем вышли из употребления.

§ 44. Между тем, формы сложного прошедшего времени сами стали подвергаться в древне-русском языке некоторым видоизменениям. Уже в древнейших русских рукописях в этих формах в 3 лице иногда опускался вспомогательный глагол ѥсть, суть, т.-е. вместо ѥсть сказалъ писали сказалъ, вместо суть пошли писали пошли. Но при 1 и 2 лицах вспомогательный глагол не опускался; он был нужен для обозначения лица, потому что в древне-русском, как и в старославянском языке, личные местоимения обыкновенно не употреблялись; напр. тогда начьнете глаголати; ꙗхомъ прѣдъ тобоѭ и пихомъ (т.-е. мы ели пред тобою и пили). История форм прошедшего вр. в др.-р. яз.

Но далее формы 3 лица без вспомогательного глагола повлияли на формы 1 и 2 лица, в которых тоже стали опускать вспомогательный глагол. Зато для обозначения лица надо было употреблять местоимения. И вот вместо ѥсмь сталъ, ѥси сталъ начали говорить: я сталъ, ты сталъ. Так говорим теперь и мы. Вместе с этим, во множественном числе, вместо 3-х родовых окончаний **и — ы — а**, стали употреблять одно окончание — **и** для всех 3-х родов.

Так из древне-русских форм сложного прошедшего времени образовались современные русские формы простого прошедшего. Происхождением этих форм из старых причастий и объясняется: а) то, что эти формы не изменяются по лицам, и б) то, что они имеют родовые окончания.

§ 45. Для выражения сослагательного наклонения в старославянском и в древне-русском языках употреблялась сложная форма из того же причастия на **л** и аориста глагола быти в форме Сослагательное наклонение.

быхъ, бы и т. д.; напр.: читалъ быхъ, читалъ бы, читалъ бы, читали быхомъ и т. д. Но потом: а) в связи с утратой форм аориста, стала для всех лиц одинаково употребляться форма бы, б) старое причастие на л стало пониматься, как самостоятельная форма прошедшего простого. Поэтому, первоначальное значение формы бы забылось, и она считается теперь простой «частицей», которая прибавляется к формам прошедшего времени для образования сослагательного наклонения; напр., я читал бы.

Повелительное наклонение.

§ 46. Формы повелительного наклонения в старославянском и в древне-русском языках были таковы:

Единств. число	2 и 3 л.	бер-и	хвал-и
Множеств. »	1 »	бер-ѣ-мъ	хвал-и-мъ
» »	2 »	бер-ѣ-те	хвал-и-те
Двойств. »	1 »	бер-ѣ-вѣ	хвал-и-вѣ
» »	2 »	бер-ѣ-та	хвал-и-та

Различие в суффиксе форм множ. и двойств. чисел ѣ или и зависело от основы наст. времени. Если основа наст. времени имела j, то в повелит. накл. в формах множ. и двойств. ч. был суффикс и; напр.:

хвал-ѭ — хвал-и-мъ, хвал-и-те и т. д.
ꙁна-ѭ — ꙁна-и-мъ, ꙁна-и-те и т. д.

Если же в основе наст. врем. j не было, то суффиксом повел. накл. в формах множ. и двойств. числа был ѣ; напр.:

бер-ѫ — бер-ѣ-мъ, бер-ѣ-те
мог-ѫ — моꙁ-ѣ-мъ, моꙁ-ѣ-те (см. § 18,2).

В современном литературном языке суффиксом повелит. накл. для всех глаголов служит и: хвалите, берите.

Неопределенное и достигательное наклонения.

§ 47. Формы неопределенного наклонения в старославянском и в древне-русском языках имели окончание ти, изредка ть. В современном литературном языке формы неопределенного накло-

нения имеют окончание **ть**, если ударение падает не на окончание, и **ти**, если ударение на окончании, напр. носи́ть и нести́.

В старославянском и в древне-русском языках были еще формы так называемого достигательного наклонения (супина), которые употреблялись при глаголах, обозначающих движение. Они имели окончание **тъ**; напр.: пришли ѥсмы воѥватъ. В русском языке эти формы исчезли, заменившись формами неопределенного наклонения.

Причастия.

§ 48. Кроме несклоняемых причастий с суффиксом **л** (см. § 43), в старославянском и в древне-русском языках были еще склоняемые причастия: 1) причастия действительные настоящего времени, 2) причастия действительные прошедшего времени, 3) причастия страдательные настоящего времени, 4) причастия страдательные прошедшего времени.

Все эти 4 вида причастий имели, как и имена прилагательные, краткие и полные формы.

Причастия действ. наст. вр.

§ 49. Причастия действительные настоящего времени имели в старославянском языке следующие суффиксы:

ѫшт — в глаголах I нейотованного спряжения; напр., **несѫштеѥ** (ср. **нес-ѫ**);

ѭшт — в глаголах I йотованного спряжения; напр., **ꙁнаѭштеѥ, колѭштеѥ** (ср. **ꙁна-ѭ, кол-ѭ**);

ѧшт — в глаголах II спряжения; напр., **сѣдѧштеѥ, молѧштеѥ**.

Склонение кратких форм причастий действительных настоящего времени в старославянском языке было сходно с склонением кратких форм имен прилагательных в сравнительной степени (ср. § 33). Отличались только формы именительного падежа единств. ч. муж. и ср. рода, которые были сходны между собою. Формы эти не имели полных суффиксов **ѫшт, ѭшт, ѧшт** и были таковы:

нес-ы — в глаголах I нейотованного спряжения (ср. **нес-ѫ**).

ꙁна-ѩ, кол-ѩ — в глаголах I йотованного спряжения (ср. **ꙁна-ѭ, кол-ѭ**).

сѣд-ѧ — в глаголах II спряжения.

Примечание. Отличие суффиксов этих форм от суффиксов всех других падежей объясняется изменениями, которые произошли в конечных звуках форм именит. пад. единств. ч. муж. и ср. р. еще в общеславянском языке.

Таким образом, склонение кратких форм причастий действительных настоящего времени было в старослав. языке таково:

Единственное число.

	Муж. р.	Средн. р.	Женск. р.
И.	**несы**	**несы**	**несѫшт-и**
Р.	**несѫшт-а**	как в муж.	**несѫшт-ѧ**
Д.	**несѫшт-оу**	и т. д. по § 33.	

Склонение же полных форм этих причастий было сходно с склонением полных форм имен прилагательных. Но при этом:

а) полные формы имен. пад. единств. ч. муж. рода представляли краткую форму с присоединением местоимения **и**, напр. **несы и, ꙁнаѩ-и, колѩ-и, сѣдѧ-и.**

б) полные формы имен. пад. единств. ч. ср. р. имели полные суффиксы причастий; напр. **несѫштеѥ, ꙁнаѭштеѥ** и т. п.

Эти же причастия действительные наст. врем. в языке древне-русском имели суффиксы: **уч, юч, яч, ач** (после шипящих); напр. несучии, горючии, сидячиꙗ, лежачеѥ. Различия между старославянскими и древне-русскими суффиксами объясняются звуковыми различиями между этими языками.

Примечание. Звуки **шт** в старослав. яз. и **ч** в древне-русск. языке произошли из сочетания **тj**, которое было в этих суффиксах в общеславянском языке (ср. § 19,4).

Формы же имен. пад. единств. ч. муж. и ср. родов в древнерусском языке были таковы:

нес-а, мог-а в глаголах I нейотованного спряжения, т.-е. после твердых согласных;

зная, сидя — во всех других глаголах.

Причастия действительные прошедшего врем.

§ 50. Причастия действительные прошедшего времени имели в старославянском и в древне-русском языках одинаковые суффиксы, а именно:

ъш — при основе неопр. накл. на согласный: **несъшеѥ**,
въш — при основе неопр. накл. на гласный: **ѕнавъшеѥ**,
ьш (или **въш**) — при основе неопр. накл. на **и**: **хвальшеѥ** (или **хвалнвъшеѥ**).

Склонение кратких форм причастий действительных прошедшего времени в старославянском языке было сходно с склонением кратких форм имен прилагательных в сравнительной степени (ср. § 33). Отличались только формы имен. пад. единств. ч. муж. и ср. р., сходные между собою. Формы эти не имели полных суффиксов **ъш**, **ьш**, **въш** и были таковы: **несъ**, **ѕнавъ**, **хваль** (или **хвалнвъ**).

Склонение же полных форм этих причастий в старославянском языке было сходно с склонением полных форм сравнительной степени. Но при этом:

а) полные формы имен. пад. единств. ч. муж. рода представляли краткую форму с присоединением местоимения **н**; напр., **несън**, **любнвън** или **несын**, **любнвын** (ср. § 32);

б) полные же формы имен. пад. единств. ч. ср. р. имели полные суффиксы причастий; напр., **несъшеѥ**, **любнвъшеѥ**.

§ 51. Склонение действительных причастий настоящего и прошедшего времени в древне-русском языке в XI веке было в общем вполне сходно с склонением этих причастий в старославянском языке. Между старославянскими и древне-русскими формами причастий существовали только такие различия, какие существовали вообще в звуках и формах между этими языками (напр., старославянской форме вин. пад. единств. ч. ж. р. **несъшѫ** соответствовала древне-русская форма несъшу).

История кратких форм действит. причастий в др.-русском языке. Деепричастия.

Но скоро в древне-русском языке употребление кратких форм действительных причастий стало изменяться. Краткие формы причастий (как и краткие формы имен прилагательных) могли употребляться в старославянском и в древне-русском языках в качестве определения; в таком случае они согласовались в роде, числе и падеже со своими определяемыми (ср. § 30).

Но скоро, уже с XII в., в древне-русском языке краткие формы причастий (как и имен прилагательных) стали терять свое склонение. Сохранялись только формы именит. пад. всех родов и чисел. Эти краткие формы именит. пад. продолжали еще употребляться в качестве определений, но уже только при существительных в именительном падеже; далее, с XIII века, они стали употребляться без согласования в роде и числе, т.-е. формы именит. пад. разных родов и чисел смешивались между собою. В древне-русских памятниках встречаются такие примеры: слышавши Иисус чюдися (слышавши — форма ж. р., вместо формы муж. р. слышавъ); слышавъ же се Олговичи вси, и поидоша къ Кыеву (слышавъ — форма единств. ч., вместо формы множ. ч. — слышавъше).

Утрата одних и смешение других кратких причастных форм привели к тому, что в современном русском литературном языке сохранилось лишь несколько старых форм именительного падежа, которые не изменяются ни по родам ни по числам. Эти неизменяемые формы называются теперь деепричастиями. Старое значение этих форм теперь забыто в языке; мы не чувствуем, что напр. формы гуляя, знав есть именительный падеж мужеского рода единственного числа. Но некоторый след старого значения именительного падежа все-таки сохранился в литературном языке, именно: употреблять деепричастия можно только в том случае, если они относятся к подлежащему, то есть к форме именительного падежа. Так можно сказать: их ведет, грозя очами, генерал седой. Но фраза: имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках (Пушкин) — звучит нехорошо.

Полные формы действ. причастий в русск. языке.

§ 52. Склонение полных форм причастий в русском языке сохранилось до сих пор. Но древне-русские формы причастий настоящего времени на **чий** заменились в русском литературном языке старославянскими формами на **щий**, напр.: несущий, знающий, сидящий (см. § 49). А сохранившиеся в небольшом количестве формы на **чий** потеряли прежнее свое значение при-

частий, и считаются теперь именами прилагательными; напр.: горячий, могучий, лежачий.

§ 53. Старославянские и древне-русские формы причастий страдательных настоящего и прошедшего времени сходны в общем с соответствующими формами современного русского языка. Но в современном русском языке и в этих причастиях утрачено склонение кратких форм. Сохранились только формы именит. пад., которые служат для выражения сказуемого; напр. любим, разбит и т. д.

Причастия страдательные.

V.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Начало разделения русского языка на наречия.

§ 54. Русский язык при начале письменности не делился на наречия, как делится теперь. Но разные русские племена, разбросанные на огромном пространстве древней Руси, от южного Днепра до Ильменя и от Западной Двины до Дона, не могли всетаки говорить совершенно одинаково. И, действительно, в языке отдельных местностей были и тогда некоторые местные особенности. Так, напр., в Новгороде уже в XI — XII вв. смешивали звуки **ц** и **ч**: в Новгородских рукописях писали **коньчь** вместо **коньць**, **дъци** вместо **дъчи** (дочь) и т. п. Однако, таких мелких особенностей было немного. Те же особенности, которыми отличаются современные наречия, произошли позже.

В XI — XII веках в древне-русском языке происходило важное звуковое изменение, а именно: глухие звуки **ъ** и **ь** или исчезали из произношения или переходили в чистые звуки **о** и **е**. Такое изменение глухих звуков произошло одинаково во всем русском языке.

Но скоро после исчезновения глухих в отдельных частях русского языка стали развиваться уже те новые звуковые изменения, которые легли в основу окончательного его разделения. Этому способствовали в то же время и историко-культурные переживания русского народа. Татарское нашествие и другие политические события повлияли на движение русских племен и разделили на части русскую землю. Многие русские люди этими событиями были оторваны от своих братьев и поставлены в но-

вые жизненные условия и в тесные сношения с другими народностями. Это еще больше повлияло на разделение языка. С XIV — XV в. русский язык стал уже ясно делиться на наречия — великорусское, белорусское и малорусское.

Образование малорусского наречия.

§ 55. В начале XIII века южная Русь подверглась страшному татарскому нашествию. Разоренные южноруссы бежали от грозных врагов с берегов южного Днепра к западу.

Северо-восточная же часть Руси стала крепнуть, объединяться, и из нее скоро образовалось Великое княжество Московское. Южно-русские области оказались оторванными от северо-восточной Руси и должны были в XIV веке подчиниться Литве, получив название Малой Руси. Позже Малая Русь вошла в состав Польши. И только в XVII веке, в царствование Алексея Михайловича, значительная часть ее присоединилась к Московскому царству. За это время в языке южноруссов и развилась большая часть тех особенностей, которые отличают теперь малорусское наречие от других наречий русского языка.

Вместе с исчезновением глухих, в языке южно-русских племен стало проявляться новое звуковое явление, именно: если в слоге перед исчезнувшими ъ и ь были звуки **о** и **е**, то такие **о** и **е** стали произноситься длиннее, чем произносились раньше; звук **е** стал звучать близко к звуку **ѣ**.

Примечание. В Галицко-Волынских памятниках XIII — XIV в. на месте такого удлиненного **е** писали **ѣ**: камѣнь, шѣсть, знамѣньѥ.

Далее такие удлиненные звуки **о** и **е** перешли в двузвучия: **о**(ё) перешло в **уо**, **юо**; **е** перешло в **іе**. Это явление распространялось в языке южно-русских племен и стало одной из важнейших особенностей малорусского наречия. Северные малороссы сохранили до сих пор в своем языке двузвучия; они говорят: вуол (вол), куонь (конь), піечь (печь) и т. п. Южные же малороссы изменили двузвучия в звук **і** и говорят: віл, кінь, пічь (см. § 8,з).

Примечание 1. Во многих словах в малорусском наречии слышатся двузвучия или **і** там, где не осталось никаких следов старых глухих; напр.: **жінка, рівный**; но в древне-русском языке здесь были глухие, что видно из написаний—**женъка, ровьный**.

Примечание 2. Удлинились и перешли в двузвучия или в **і** только старые звуки **о** и **е**. Те же **о** и **е**, которые сами получились из глухих, не изменились в малорусском наречии (ср. примеч. к § 8,з).

В то же время развились и другие особенности малорусского наречия: древнее **ѣ** изменилось также в двузвучия или в **і**; звуки **и** и **ы** слились в один средний звук и т. д. Так образовалось в XIV—XV веках малорусское наречие.

Начиная с XVI века, южные малоруссы стали расширять свои поселения к востоку от нижнего течения Днепра; в XVIII веке они уже заняли губернии Полтавскую, Харьковскую, часть Курской и берега Черного моря, где живут и теперь.

Образование белорусского наречия.

§ 56. Западно-русские племена были тесно связаны, с одной стороны, с южно-русскими племенами, а с другой—с племенами, жившими к востоку. Часть этих восточно-русских племен, теснимая с юго-востока степными кочевниками, двигалась в XII—XIII веках к западу и, оседая в областях, занимаемых западно-русскими племенами, смешивалась с этими последними. Это сближение западно-русских и восточно-русских племен отразилось и на их языке. К началу XIV века в языке всей средней полосы древней Руси, на западе и на востоке, стало одинаково развиваться **аканье**.

Но, вместе с этим, Западная Русь входила в сношения с соседней Литвой, живущей еще западнее. В том же XIV веке западно-русские области были оторваны от северных и восточных областей и под названием **Белой Руси** вошли в состав Великого княжества Литовского, а затем уже вместе с ним вошли в состав королевства Польского так же, как случилось это и с областями южно-русскими (см. § 55).

Тогда в западно-русском языке образовались некоторые свои

отличительные особенности: мягкие **д** и **т** стали произноситься как **дз** и **ц**, произношение **р** стало твердым и т. п. Так образовалось белорусское наречие.

Образование великорусского наречия.

§ 57. Таким образом, в конце XIV века из общерусского языка определенно выделились малорусское и белорусское наречия. Остальная часть русского языка представляла собой в XIV веке две большие группы говоров: северную — окающую и юго-восточную — акающую. Но эти две группы не образовали отдельных наречий. Наоборот, когда Малая и Белая Руси отошли к Литве, все остальные русские люди стали теснее объединяться в общей жизни. Здесь, на северо-востоке, возникали новые центры, в которых сосредоточивалась политическая, торговая, культурная жизнь обоих племен — северноруссов и восточноруссов: Владимир, Тверь, Москва. Тесное сожительство и участие в политическом и культурном строительстве, приведшее к освобождению от татарского ига и к образованию е д и н о г о Русского государства, отразились и на возникновении и развитии некоторых общих явлений языка. Так зародились и получили распространение те явления, которые характеризуют все великорусское наречие, в отличие от наречий малорусского и белорусского (ó, é, в словах типа мóю, шéя, с л е п ó й, окончание á в именит. пад. мн. ч. имен. муж. р., и др. — см. § 6). Таким образом, указанные две группы говоров составили лишь два поднаречия о д н о г о в е л и к о р у с с к о г о н а р е ч и я: поднаречия северно-великорусское и южно-великорусское, и объединившиеся племена образовали одну великорусскую народность. Но, помимо этого, тесное сожительство северновеликоруссов и южновеликоруссов повело к образованию еще новых явлений языка; именно, в местностях, где оба племени соприкасались особенно близко и постоянно, где оказывалось, таким образом, население с м е ш а н н о е из южных и северных великоруссов, там образовались и смешанные, иначе п е р е х о д н ы е говоры, сочетавшие в себе отличительные черты того и другого поднаречия. Говоры эти занимают довольно длинную и широкую полосу по границе двух поднаречий. Особенно типичным и важ-

ным среди них является **московский говор.** Московскому говору суждено было стать русским литературным языком. Однако, он не сразу достиг такого высокого значения.

Образование русского литературного языка.

§ 58. Когда русские приняли христианство, к ним пришли священники-болгары, чтобы учить их новой вере и совершать богослужение. Болгары принесли с собою богослужебные книги на старославянском языке. По этим старославянским книгам болгары стали учить русских людей чтению и письму, чтобы приготовить из них священников. Дальше книжное учение проникло в монастыри, где благочестивые монахи занимались чтением и списыванием богослужебных книг. Таким образом, первыми книжными людьми на Руси были духовные лица, учившиеся и грамоте и вере по старославянским книгам. Поэтому, когда эти духовные лица сами начали писать свои сочинения — проповеди, поучения, духовные послания, — им легче всего было писать их также на старославянском языке. Так. старославянский язык стал в древней Руси церковно-литературным языком.

Но этот церковно-литературный язык не остался на русской почве чистым старославянским языком. В употреблении русских людей он сразу стал подвергаться влиянию языка древне-русского. Русские люди не усваивали чуждого им древне-болгарского произношения, а приспособляли его к своему привычному родному произношению, подчиняли его законам своего языка; так, вместо древне-болгарского произношения носовых звуков **ѫ** и **ѧ** произносили **у** и **а**; также, когда далее в древне-русском языке глухие звуки **ъ** и **ь** исчезли из произношения или перешли в **о** и **е**, то это изменение глухих отразилось в устах русских людей и на произношении старославянских слов. Однако, рядом с этим, в церковно-литературном употреблении сохранялись многие слова в старославянской оболочке; таковы были, напр., многочисленные слова с сочетаниями **ра**, **ла**, **рѣ**, **лѣ** на месте русских полногласных сочетаний: глава вм. голова, храм и т. д., слова с сочетаниями **жд**, **шт**, вместо русских **ж** и **ч** (см. § 19,2,4),

и др.; нередко сохранялись в церковно-литературном употреблении и старославянские формы склонения и спряжения, напр. форма родит. пад. единств. числа прилагательных на **аго**. Таким образом, из старославянского языка на русской почве образовался особый, несколько искусственный язык, в котором переплетались элементы старославянского и живого русского языка, и который называется языком **церковно-славянским**. Этот церковно-славянский язык и был церковно-литературным языком в древней Руси. Его старославянская основа выказывалась особенно последовательно в литературных произведениях церковно-религиозного характера: проповедях, житиях святых; в произведениях же более светских, напр., в летописях, сильнее пробивались русские элементы.

Но мало-по-малу грамотность стала распространяться и среди светских людей. Ею стали пользоваться уже не только для религиозных целей, но и для нужд повседневной жизни: для торговых договоров, духовных завещаний и т. д. Русские люди любили «закрепить грамоткой» все свои дела. Так было уже в древнее время. Позже, в Московском государстве и особенно в Москве, как крупном, уже довольно культурном центре, деловая письменность достигла большого развития. Здесь появилось много светских грамотеев, которые занимали должности дьяков и подъячих (писцов) в разных появившихся тогда «приказах». Приказные дьяки писали свои грамоты уже не на церковно-славянском, а на русском языке. Они и не могли бы найти в церковно-славянских книгах тех слов и выражений, которые им нужны были для какого-нибудь договора при продаже земли с хозяйственными постройками; при найме рабочих, и для духовных или сговорных грамот, где перечислялась домашняя утварь, да «приданое платье», меха и драгоценности.

Итак, приказные дьяки писали свои грамоты уже на русском языке. Но русский язык в то время уже делился на наречия, а в самой Москве образовался особый свой московский говор. Понятно, что московские дьяки говорили и писали на этом

Московском говоре. Так образовался на Руси другой книжный язык, русский деловой язык московских приказов.

Таким образом, в Московской Руси создалось два параллельных книжных языка. Один из них, деловой язык московских приказов, отражал в себе все те звуковые и формальные изменения, которые произошли в русском языке после начала письменности, включая в себе и местные особенности московского говора; он был, следовательно, очень близок к живому народному московскому языку. Другой, церковно-славянский язык сильно отличался от народного языка, сохраняя свою старую звуковую оболочку, свои древние формы (ср. современный богослужебный язык православной церкви, где, напр., не проявляется русский переход **е** в **о** (ё); напр.: Петр, вм. Пётр и т. п.); но зато по своему словарю и строю речи он являлся более богатым, обработанным, более приспособленным для выражения всего того, что возвышалось над предметами повседневного житейского обихода, особенно для выражения церковно-религиозных понятий. И вот в течение XV — XVI вв. Московская Русь пользовалась обоими этими языками, то в более или менее чистом их виде, то, чаще, в своеобразных комбинациях из данных того и другого, в зависимости от предмета речи. В этих комбинациях старый церковно-литературный язык, поддерживаемый духовным характером древне-русского просвещения, постепенно, но неуклонно вбирал в себя элементы живой народной речи, а народный язык получал литературную обработку, становясь разговорным языком более просвещенных и книжных московскх людей. Когда в XVII в., в связи с явным поворотоми древне-русского просвещения в сторону светского образования, в Москве получила сильное влияние и распространение юго-западная образованность, это обстоятельство стало было отражаться и на литературном языке, впитывавшем в себя элементы южно-русской книжной речи того времени. Но основное направление в развитии русского литературного языка — сближение его с живой разговорной речью, — взяло верх, и с начала XVIII в.

уже вполне определяется полное совпадение живого разговорного и письменного, книжного языка.

Этому сближению немало сочувствовал и способствовал Петр Великий. Свои письма и бумаги он писал на русском языке. Он настоятельно требовал, чтобы иноземные книги, перевод которых он сам обычно заказывал, переводились также на понятный всем деловой русский язык. «Высоких слов словенских класть не надобно, но посольского приказу употреби слова» — писал по распоряжению Петра граф Мусин-Пушкин директору Московской типографии. Знаменитый же современник и сторонник Петра Великого Феофан Прокопович даже церковные проповеди говорил на разговорном русском языке.

Этим, однако, не завершилось образование русского литературного языка. С эпохи Петра Великого стали быстро развиваться на Руси просвещение и светская литература. Литературный язык должен был отражать новые понятия, новые идеи, а в московском деловом языке часто не было для этого средств. Приходилось обращаться или опять к старому источнику — церковно-славянскому языку, или к новым источникам — языкам западно-европейским, откуда заимствовались теперь и просвещение и новые литературные влияния. Получался, вследствие этого, несколько смешанный, неустановившийся литературный язык, который не удовлетворял русских образованных людей и который снова оказывался далеким от живого разговорного языка.

Над улучшением этого литературного языка много трудились писатели XVIII века. В поисках нужных слов и оборотов они чаще и чаще обращались к народной разговорной речи. Однако, некоторые из них как-будто не были вполне уверены в необходимости такого обращения: церковно-славянское влияние пустило очень глубокие корни в книжный русский язык. Так, например, Тредьяковский, в предисловии к своему переводу французского сочинения «Езда в остров любви», в 1730 г., писал: «язык словенской ныне жесток моим ушам слышится»; но позже он за-

щищал церковнославянизмы и осуждал Ломоносова за употребление народных выражений; так, он писал о Ломоносове, что

«Он красотой зовет, что есть языку вред,
Или ямщичий вздор, или мужицкий бред».

Ломоносов (1711 — 1765 г.) своими теоретическими сочинениями по языку и своими поэтическими произведениями много способствовал упорядочению и развитию русского литературного языка. Этому помогало природное понимание Ломоносовым явлений языка и отличное знание языка народного. Ограничив правилами употребление церковнославянизмов, оставленных для «высокого штиля», Ломоносов вносил в свои произведения немало элементов народной речи, в том числе родного ему архангельского говора. Но за это его не раз осуждал другой его современник — Сумароков.

Так продолжалась еще борьба с сильным церковно-славянским влиянием, борьба, вполне закончившаяся лишь в первой четверти XIX века. Последними ее представителями были Карамзин и Шишков.

Карамзину принадлежит большая заслуга в образовании русского литературного языка. Освобождая книжный язык от множества церковно-славянизмов и развивая его синтаксические обороты, Карамзин стремился приблизить его к языку разговорному. Но, при этом, он сознавал, что язык литературный все-таки должен отличаться от языка народного, потому что должен выражать такие понятия и идеи, которые являются достоянием лишь образованных людей. А для таких понятий и идей как раз не хватало часто средств в языке образованных русских людей. «Что же остается делать автору?» — спрашивал Карамзин, и отвечал: «Выдумывать, сочинять выражения, угадывать лучший выбор слов». Так Карамзин и поступал. К «сочиненным» Карамзиным словам относятся, например, слова: будущность, влияние, влиять (на кого-нибудь), трогательный, сосредоточить, промышленность и т. п. слова, которые вошли с тех

пор во всеобщее употребление. В поисках новых слов и оборотов Карамзин нередко прибегал к французскому языку: он или придавал слову русскую форму (например: моральный, эпоха), или даже переводил его новым русским словом (например: touchant — трогательный, concentrer — сосредоточить). Против этих новшеств Карамзина сильно восставал писатель и государственный деятель Шишков, приверженец церковно-славянского влияния. «Кто бы подумал, — говорил Шишков, — что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего (т.-е. церковно-славянский язык), начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка!». Но это был последний защитник «словенского языка».

Такое продолжительное церковно-славянское влияние на литературный русский язык объясняется, между прочим, тем, что из среды русского духовенства, привыкшего к церковно-славянскому языку, выходило много образованнейших и просвещенных людей. А такие люди оказывали свое влияние на выработку литературного языка. Далее, из той же духовной среды выходили учителя русского языка. Не только в древней Руси, но и в XVIII и даже в XIX веке было в обычае приглашать духовных лиц для первоначального обучения детей, особенно русской грамоте (Петр Гринев, недоросль Митрофанушка учились у дьячков). Во многих местах и трудно было найти более образованных и подходящих для этой цели лиц. Все это способствовало церковно-славянскому влиянию на литературный язык.

Однако, развитие русского литературного языка задерживалось не только церковно-славянским влиянием, но также влиянием французским. В конце XVIII и в начале XIX века французское влияние среди высшего русского общества было очень велико; оно касалось литературы, языка, обычаев, моды. Многие плохо говорили по-русски, но французским языком владели в совершенстве. Нужно было бороться и с этим явлением; но бороться нужно было не только теоретически: важно было дать такие образцы русского литературного языка, которые бы убедили общество в его красоте и богатстве. В этом отношении крупную роль сыграли журналы того времени, в которых поме-

щались произведения лучших писателей, в том числе красивые стихи Жуковского (в начале XIX века). Но особенное значение для развития русского литературного языка имело поэтическое творчество Пушкина.

Пушкину пришлось немало потрудиться над выработкой литературного языка. И к этому труду великий поэт относился с полным сознанием и глубоким интересом. В своих поэтических произведениях, в письмах и заметках Пушкин нередко высказывал мысли о необходимости развития русского литературного языка на основе языка народного, особенно — московского наречия.

Так, в «Евгении Онегине» поэт говорит:

«А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь». (Глава первая, XXVI).

или:

«Она (т.-е. Татьяна) по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык». (Глава третья, XXVI).

Далее, Пушкин писал: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований ... Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

И Пушкин сам прислушивался к народной речи, любил слушать сказки, записывал песни, вознаграждая этим «недостатки проклятого своего воспитания».

Если проследить произведения Пушкина в хронологическом порядке, то легко можно увидеть, как он постепенно совершенствовал свой язык, в смысле сближения его с народным великорусским языком. Так, во-первых, он все реже употреблял церковно-славянизмы, оставляя их лишь, как поэтическое украшение (см. «Пророк», «Молитва»); во-вторых, вводил много чисто русских слов и выражений и, наконец, упрощал свой несколько высокопарный вначале слог, приближая его к слогу более легкому, разговорному.

Например, в эпоху Пушкина произношение е (перед твердым слогом под ударением), как о (ё), считалось признаком простонародной речи; люди образованные старались еще сохранять церковно-славянское произношение е (см. § 17,8). Поэтому, в юношеских произведениях Пушкина постоянно встречаются такие рифмы, как: полетъ — лѣтъ, полетомъ — свѣтомъ, рев — присмирѣвъ, веселый — смѣлый и т. п.; но позже, напр., в «Евгении Онегине», рифмуются слова: щелку — толку, занесен — он, струею — золою, лед — вод и т. п., что ясно указывает уже на произношение Пушкиным е как о, согласно с народным великорусским произношением.

Так, в творчестве Пушкина завершился долгий и трудный путь развития русского литературного языка. Последующие писатели — Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой и др. явились уже учениками Пушкина. В их творениях русский язык и стал тем литературным языком, на котором в настоящее время говорят и пишут все образованные русские люди на всем пространстве России.

Современный русский литературный язык достиг глубокого сближения с живой народной речью. Однако, и те влияния, которым он подвергался за время своего развития, оставили на нем свои следы, а именно:

1) Старославянское, а позже церковно-славянское влияние было самое значительное. В русский язык проникло, благодаря этому влиянию, много как самих слов, так и форм слов, а именно:

а) вместе с христианством проникло на Русь много слов, связанных с новой религией и неизвестных раньше язычникам-

русским; например: христианство, крест, воскресение, церковь и т. п.

б) Многие слова, особенно религиозно-нравственного характера, сохранились в литературном языке в старославянской (церковно-славянской) форме: Рождество (вместо Рожество), пещера (но Киево-Печерский монастырь), время (из врѣмя, вместо веремя), плен (плѣнъ) (вместо полонъ), вкратце (вместо вкоротце и далее вкоротке) и т. д. Часть таких слов проникла и в народный язык, напр., время, пещера.

Такие старославянские формы иногда как бы нарушают законы русского языка. Так, например, ударенное **е** в положении перед твердым согласным произносится в литературном языке, как **о** (ё); но слова: небо, щедр, крест (сравни крёстный), бред, ущерб и т. п. произносятся со звуком **е**. Эти кажущиеся «исключения» являются старыми заимствованиями из старославянского языка, сохранившими до сих пор свое произношение.

Примечание. Но в некоторых словах произношение **е** вместо **о** (ё) объясняется тем, что согласные звуки, перед которыми находится такое **е**, были в др.-русск. языке мягкими; напр., отец из др.-русского отьць.

в) В литературном языке есть ряд слов, которые употребляются в старославянской (церковно-славянской) и в русской форме: глава и голова, власть и волость, влачить и волочить, оградить и огородить, нрав и норов, храм и хоромы, невежда и невежа и т. д. В таких случаях русская форма имеет обыкновенно смысл более реальный, житейский, а старославянская — более отвлеченный.

г) Древне-русские формы причастий настоящего времени на **чий** заменились в литературном языке старославянскими причастиями на **щий** (см. § 49). Некоторые же древне-русские формы на **чий** сохранились до сих пор в литературном языке, но употребляются теперь в значении имен прилагательных. Таковы, например, формы горячий (ср. горящий), могучий (ср. могущий), стоячий (ср. стоящий) и т. д. (ср. § 52).

2) Влияние западно-европейских языков выразилось в заим-

ствовании слов. Но многие из таких слов уже совсем обрусели, приняли русское склонение и спряжение и вошли даже в общенародное употребление, напр., машина, мебель, солдат, квартира и т. д. Такие заимствования продолжаются и до сих пор; напр., телефон, аэроплан, трамвай и т. д.; но они, обогащая словарь, не оказывают никакого влияния на общий характер русского языка.

§ 59. История, пройденная русским языком как народным, так и литературным, отражается на составе современного литературного языка; эта же история отражается и на русском правописании. В главнейших чертах история русского правописания была такова: Правописание.

1) Вместе с принятием церковных книг на старославянском языке, русские приняли и старославянскую азбуку. Эта азбука была составлена для старославянских звуков и передавала их довольно точно. Но когда этой азбукой стали пользоваться для передачи звуков русского языка, явилось уже несогласие между звуками и буквами. Так, напр., хотя в русском языке не было носовых звуков, однако, русские писцы заимствовали и долго употребляли буквы ѫ и ѧ.

2) Далее, когда в русском языке произошли различные звуковые изменения, то несогласие между произношением и письмом значительно увеличилось, так как писцы во многих случаях продолжали придерживаться старославянского правописания. Так, например, хотя звуки, обозначавшиеся буквами ъ и ь, исчезли в конце слов, писцы не выбросили этих букв, а продолжали их писать (как писали их вплоть до последнего времени). Или другой пример: хотя звук, обозначавшийся буквою ѣ, стал произноситься в южно-великорусском поднаречии и в московском говоре так же, как звук, обозначавшийся буквою е, писцы продолжали употреблять букву ѣ. Точно так же, когда появилось аканье, московские грамотеи продолжали сохранять в соответствующих случаях старое написание буквы о.

Но иногда писцы невольно вносили в свое письмо черты нового произношения; так, например, вместо древне-русских написаний: стоканъ, колачъ, корманъ, олтарь, полата, стали, согласно с акающим произношением, писать — стаканъ, калачъ, карманъ, алтарь, палата; так и мы теперь пишем эти слова. В других словах старая буква ѣ заменилась, согласно с произношением, буквой е; так, вместо прежних: мѣлкій, пѣсокъ, врѣмя (русское веремя), стали писать — мелкій, песокъ, время. В форме родит. пад. единств. числа имен прилагательных муж. рода, вместо старославянского окончания **аго**, нередко писали, согласно с произношением, — **ого** и **ово**.

3. Иногда писец и не умел изобразить на письме новое произношение. Так, когда звук е перешел в о, у древне-русского писца не было средств для его изображения. Буквы е и о не только изображают различные гласные звуки, но также указывают па мягкое или твердое произношение предшествующего согласного: перед е согласный произносится мягко (лев), перед о он произносится твердо (лов). А, между тем, указанный переход состоял именно в том, что гласный звук е перешел в гласный звук о, но предшествующий ему согласный остался при этом мягким. А для передачи такого сочетания на письме у писца не было средств. Так и сохранялась в этих случаях буква е. Только после шипящих (которые произносились и произносятся одинаково перед е и перед о) писец решался писать о; например, чорный, пришол, жолчь, ещо.

Неуменье обозначить звук о после мягкого согласного продолжается и до сих пор. В конце XVIII века писали нередко іо; наприм. Серіожа, всіо и т. п. Карамзин ввел написание ё; но обычно и до сих пор употребляется в таких случаях буква е.

Такое неуменье изобразить звук **о** после мягкого согласного звука зависело и зависит от того, что в старославянском и в современном русском письме мягкое произношение согласных звуков обозначается не теми буквами, которые соответствуют данным согласным, а теми, которые изображают следующие гласные; так например, если надо обозначить твердый согласный **н+а**, то пишут **на**; если же надо обозначить мягкий согласный **н+а**, то пишут **ня** (в старославянском письме **нѧ**).

Такимъ образомъ, буквы **а, у, э** обозначают такие же гласные звуки, как и буквы **я** (ѧ), **ю**, **е** (ѥ); но пишется **а, у, э** (последнее обычно в иностранных заимствованных словах) или **я, ю, е** в зависимости от произношения предшествующего согласного: если этот согласный произносится твердо, то пишется **а, у, э**: например: дала, луну, пэнснэ; если же этот согласный произносится мягко, то пишется **я, ю, е**, например: дядя, няня, люди, неси.

С другой стороны, те же буквы **я, ю, е** (старославянские ѧ, ю, ѥ), находясь в начале слова или после гласных, обозначают сочетания j + **а, у, э**: например: ягода, змея, юноша (ср. латинское juvenis), пою, военный (ср. поэтъ), ель (ср. § 17,6). Звук j после гласных обозначается в русской азбуке буквой **й**: мой; если бы употребить эту букву и перед гласными, то приведенные слова следовало бы писать—йагода, змейа, йуноша, пойу и т. п. (ср. примѣч. § 17,5).

Стремление писцов сохранять старое правописание, с одной стороны, и невольные уклонения в пользу живого произношения, с другой стороны — внесли немалый беспорядок в систему древнерусского правописания. И только в XVIII и в XIX веках, вместе с образованием литературного языка, и русское правописание подверглось упорядочению.

1. Прежде всего, при Петре Великом был отлит гражданский шрифт для печатания книг; этот шрифт отличался от прежнего, церковно-славянского шрифта и от рукописного письма не только более простыми начертаниями букв, но и тем, что из него были выброшены некоторые лишние буквы, например — ж, ѧ.

2. Ломоносов и Тредьяковский старались правилами внести однообразие в русское правописание и по этому поводу много спорили между собою. Так, например, Ломоносов утвердил следующие правила, которые до нынешней реформы сохранялись в русской грамматике: а) об окончаниях в имен. пад. множ. ч. имен прилагательных **ые, іе** для мужеск. рода, **ыя, ія** для женск. и средн. рода; б) об окончании **аго** в родит. пад. ед. числа имен прилагательных мужеск. и среднего рода и т. п.

3) После Ломоносова работа по приведению в порядок системы русского правописания продолжалась. Следующим крупным трудом в этой области был труд акад. К. Я. Грота «Русское

правописание» (1885 г.), стремившийся установить полный свод правил правописания. Труд Грота оказался, однако, несовершенным, почему являлась необходимость нового пересмотра русской орфографии. Вслед за этим возник другой, более сложный вопрос о пересмотре самой системы орфографии и об ее упрощении. Вопрос этот вполне определенно был поставлен Московским Педагогическим Обществом в 1901 г., в связи с вопросом об обучении правописанию. В 1904 г. при Академии Наук была образована «Комиссия по вопросу о русском правописании», в которую вошли известнейшие русские ученые, педагоги и общественные деятели. Эта Комиссия выработала те изменения, которые и были внесены в нашу орфографию в 1917 г. Эти изменения сводятся:

1) к тому, что из русской азбуки исключены буквы **ѣ, ѳ, і, ъ** (в конце слов), как не имеющие в литературном, а частью и во всем русском языке звуковых соответствий;

2) к тому, что устранены некоторые правила, введенные в наше правописание в процессе упорядочения его системы, но лишенные достаточного обоснования ни в связи с действительными явлениями языка, ни по практическому удобству; таковы условные правила о различении окончаний прилагательных в имен. пад. множ. ч. **ые, ие** для муж. р. и **ыя, ия** для женск. и ср. рода; таково правило об окончании род. пад. прилагательных на **аго**, заимствованное из церковно-славянского письма и некоторые другие.

Заключение. § 60. От начала письменности до XVI века в русском языке произошло много крупных изменений. Эти изменения привели к тому, что русский язык стал делиться на наречия — великорусское, белорусское и малорусское. После XVI века в народном русском языке не происходило крупных изменений. Но зато литературный язык изменялся, развивался и, наконец, в XIX веке достиг того высокого развития, богатства и красоты, которыми он теперь отличается.

Будучи разделен на наречия, народный русский язык не потерял и не теряет своего единства. Те черты, которые отличали

древне-русский язык XI — XII веков от старославянского и от других славянских языков, сохраняются до сих пор во всех наречиях и говорах русского языка (полногласие; **ж** и **ч** из **dj** и **tj**; замена носовых звуками **у** и **а**; см. § 19). Звуковые же изменения, происшедшие в отдельных наречиях, и отдельные слова, свойственные только одному какому-нибудь наречию, все-таки не мешают русским людям на всем великом пространстве России понимать друг-друга. В этом единстве русского языка и заключается его особенность.

Иная судьба постигла другие языки. Напр., в маленькой Италии отдельные наречия так различны, что житель Сицилии не может говорить с Миланцем или Венецианцем. А северное и южное немецкие наречия настолько между собой различны, что северные и южные немцы, не знающие литературного языка, встретившись, наприм., в Чехии, вынуждены объясняться между собою по-чешски. Среди русских людей такого явления встретить нельзя.

Что касается русского литературного языка, то в нем, как и в отдельных наречиях, встречаются слова, которые чужды народу или неупотребительны в некоторых наречиях. Однако, это обстоятельство нисколько не мешает тому, что литературный язык в общем понятен каждому русскому человеку. Все они понимают Пушкина, Гоголя, Гончарова, Островского, Толстого...

ХРЕСТОМАТИЯ.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ.

Северно-великорусские говоры.

1.

А Грозны́я царь Иван Васильевич задумал строить втору[1] Москву, втору́ Москву на Во́логды[2]. Не мог-то он построить второй Москвы на Вологды; тольке выстроил черьковь[3] Миколину на том-то городи[4] на Во́логды, положил золотой казны сорок тысечей[5]. А задумал-то Орсёнко посмотрить[6] госуда́рёва[7] строеньиця, не второй Москвы, черьквы Миколиной, того жо строеньиця госуда́рёва. Пошол-то Орсёнко путём-дорогою, уцюл[8]-то во стороноцьки[9] гам, гово́рю великую. Захотилось посмотрить Орсёнку, хто такой разговариват[10]. Дѣля́т тут воры-розбойники[11] золоту́ казну, золоту́ казну да госуда́рёву из той церьквы Миколиной; церькву[12] подло́мят и укра́дут... Розьери-

Примечания. [1] Не краткая форма (ср. § 30), а стяжение гласных (ср. ниже золоту̀). [2] форма предл. пад. (и дательн.), встречающаяся в некоторых великор. говорах. [3] см. § 4,4. [4] см. § 4,3. [5] **е** из **я** встречается нередко в сев.-великор. говорах. [6] см. § 4,3. [7] см. § 4,2; государёва строеньиця родит. пад.; **я** на конце обозначает мягкое произношение звука **ц** — см. § 4,4. [8] учул, т.-е. услышал; см. § 4,4. [9] см. § 4,3 и 4,4. [10] =разговаривает; такое стяжение **ае** в **а** нередко в сев.-великор. говорах. [11] форма розбойники с предлогом **роз** — русская форма; в литерат. языке **раз** под влиянием церковно-славянского языка; также: розьерилось, розьбѣжалисе. [12] вин. пад., по аналогии со склонением на **а**: воду, см. § 29,2,Г.

лось тут Орсёнка ретиво́ се́рьцо; хватал он сы́рой дуб из матушки сырой земли, высоко́-то он метал по подне́бесью. Тут розбойники да испугалисе[1], по тёмно́му лесу розьбежалисе.

(Марков. Беломорские былины, стр. 463; записано у верхнего течения р. Мезени).

2.

Не землянка[2] ягодка да на горе выростала, на горе на высокою[3], да на красе на широкою. Да ны[4] быть землянки ягодки, да быть душой красной девицой. Ты, подружонька[5] любимая, да ино Марья Степановна, ты послушай, моя подружонька, я што[6] стану говорити: ты у батюшки у матушки доци[7] одинака[8], одна да одинака, да белая кудревата[9], тебя поя[10], кормя родители да на свиця́х[11] на молебнах, сви́ци богу ставето[12] — тибе веку набавляют[13], да молебны то служат — тибе здоровьиця молят, говоря, дай бох споить, скормить цядо[14] сердецьное дитетко нам не дле[15] то роботоньки, а дле виселья, дле радости, столько на посмотреньицё. Тибе сряжено на могуци плеци да дорого светно́[16] платьё. Ты каталасе жемцюжинка да по торгам да по ярманьгам, ты на Стретинску на ярманьгу, ты со Стретиньской ярманьги на Овдокеевську ярманьгу. Ты послушай, моя подружонька, я што стану говорити: подойди-ко ко мне, подружонька, да блиско неподалёко, прирозмыцёмъ мы с подружонькой да зло великоё горё, да приросплацём со подружонькой да зло горюцие слёзы. Мы ходили со подружонькой во

Примечания. [1] **се** вместо **ся** встречается нередко в сев.-великор. говорах (ср. стр. 96, примеч. 5). [2] = земляника. [3] = высокой. [4] = не. [5] после **ж**, **ш** в некоторых сев.-велик. говорах встречается **о** вм. **е** и перед мягкими согласными (ср. § 4,2 и § 20,4). [6] = что; так и в литературном произношении, в южновеликор. и белорусских говорах. [7] доци = дочи, т.-е. дочь — см. § 4,4 и § 28. [8] = единственная. [9] см. прим. 1 на стр. 96. [10] поя, кормя = поят, кормят; в сев.-великор. говорах иногда встречаются формы 3 лица без окончания **т**. [11] см. § 4,3,4; **я** написано, чтобы обозначить мягкое произношение звука **ц**. [12] = ставят. [13] см. § 4,6. [14] = чадо; см. § 4,4 и § 28. [15] = для. [16] = цветное.

все цетыре во стороны: мы по каткам катишшицям[1], да по соборным игришшицям, да по долгим вецеренецькам. У нас дружба́ с тобой великая, да роздружитисе хоцё[2], у нас словецько с тобой тайноё, да пророзмолвицьце[3] хоцё, да колецюшко серебрено роспоетисе хоцё, да позолота со колецюшка да совалитисе хоцё.

(Свадебное причитание девушке; записано в Архангельск. губ.— Материалы для изучения великорусских говоров. Сборник Отд. Русск. яз. и слов. Академии Наук, т. 87, стр. 9).

Южно-великорусские говоры.

3.

У днаво́[4] старичькя[5] бы́ла[6] тро́я[6] сынавьёф[7]: два умных, а третий Мялёша — дурак. Вот старик по́мяр[8], а старуха и пасыла́пть[9] сваих сынавьёф в горат[10] купить стало́ф, ло́шкаф[11], таре́лкаф и гаршко́ф. Братья падумали, падумали, шта[12] многа чаво́ бу́дя[13] им пакупать, и сказали: «давай, вазьмём с сабой Мялёшу, он бу́дя лошать стяречь», и взя́ли яво́. Ехали, ехали, а на дороги варо́ны и галки кра́чють[14]; вот Мялёша и думапть: «пасто́йтя,

Примечания. [1] каткам катишшицям, т.-е. по катаньям; **шш** — так произносится во многих говорах **щ**. [2] = хочет, см. стр. 97, примеч. 10. [3] = пророзмолвиться. [4] = одного; см. § 5,1 и § 5,6. [5] буквы **ь** и **я** обозначают мягкое произношение предшествующих согласных; мягкое произношение **к** встречается нередко в южно-великор. говорах. [6] см. § 5,1 и § 5,2. [7] = сыновей; окончание ёф (ёв) по аналогии: рабов, домов и т. д. (см стр. 52,в); в конце слов звонкие согласные произносятся в южно-великор. говорах, как соответствующие глухие. [8] см. § 5,2. [9] см. § 5,5. [10] горат = город; **г** произносится в южно-великор. поднаречии, как длительный звук — см. § 5,3. [11] лошкаф, тарелкаф — см. примечание 7. [12] см. примечание 6 на стр. 97; союз что является в предложении безударным. [13] = будет; иногда в южно-великорусских говорах **т** в 3 лице глаголов опускается. [14] см. § 5,5.

я вам фсем[1] задáм, ета[2] ани мене дражнють: дурак, да дурак»! Едуть ани лýгам[3] и лéсам, а в лясý пяньки́[4] стая́ть; Мялёша апéть[5] думаить: «беднаи[6] вы, пянёчьки, стайтя вы бяш[7] шáпкаф, вам халаднó, вот я вас фсех адену». Пріяжжають ани в горат, накупили éта ани фсявó и гаварять Мялёшки: «Мялёша, ты приметил дарогу, как мы сюды́[8] ехали, можыш с тялегай ехать»? — «Магý, магý», сказал Мялёшка и паехал в дяревню. Вот, едить он чиряз[9] лес, даяжжаить да[10] пянёчькяф и на фсех их гаршки́ надел; в гáлкаф и варóнаф лóшкими пашвыря́л. Даяжжаить да речьки и гавари́ть: «а, знать, лошать пить хочить!» Падьвёл яё к речьки, а пóвада ни сумел развязать — лошать ня мóжыть пить. Он видить, шта лошать ня пьёть, и гаварить: «а, знать, ей висакó, ни дастáнить», и давай ей нóги-ты руби́ть; атрубил пяредьнии[11] ноги, ана фсё ня пьёть... Он апéть гаварить: «а, ня лóфка!»[12] Тады и задьніи ноги атрубил. Сидел, сидел на бирягу и гаварить: «што-ш, у сталá чатыря-ш наги́, запрягу я стол!» Запрёх, хлястáл, хлястáл яво, а он фсё няйдёть. Тады он пашол пяшкóм дамóй; прихóдить дамой, а явó мать спрáшываить: «Где жа гаршки́, сталы́, лошки-ты?» А Мялёша и гаварить: «гаршки я надел на пянёчьки, а вéшшы[13] фсе ляжáть на бирягý». — «А лошать где?» — «А лошать захатела пить, я ей ношки-ты и абрубил, а то ни дастанить да вады-ты». Пріехали братья, пазбирáли на лугý лóшки да гаршки́. Тем и дéла[14] кóньчилась.

(Рязанская губерния. Материалы по русской диалектологии проф. Е. Ф. Будде. Этнографич. Обозрение, 1894 г., № 2, стр. 147).

Примечания. [1] = всем; глухой звук вместо звонкого перед следующим глухим с. [2] = это. [3] лýгам и лéсам = лýгом и лéсом, т.-е. тв. пад. единств. ч. [4] = пеньки, т.-е. пни. [5] = опять. [6] = бедные; см. примеч. в) на стр. 60. [7] = без. [8] = сюда. [9] см. § 5,2; предлоги в сочетании с именами теряют свое ударение. [10] = до. [11] см. примеч. в) на стр. 60. [12] = не лóвко. [13] = вещи; в великор. и в литературном произношении **щ** произносится обыкновенно, как **шш**; ср. стр. 98, примеч. 1. [14] средний род единствен. ч.; окончание **а** и **лась** — по закону аканья.

4.

А с пбля, с пбля с чи́стага[1]
Да вязуть[2] Васи́лья вби́тага[3];
Да па ём[4] матушка пла́кала:
Ой, дитё[5] маё, млод[6] Василь!
За кагб[7] гало́вку палажив?

(Курская губерния. Халанский, Народные говоры Курской губернии. Сборник Отд. Русск. яз. и слов. Академии Наук, т. 76, стр. 195).

Московский народный говор.

5.

Я на горку шла,
Нъ пригорку[8] шла,
Умарилъс[9], умарилъс,
умариласа.[10]
Знамъ дела — умарилъс,
умариласа.
Нъ пригорку шла,
Тижыло нисла,
Умарилъс. . . . .

Тижыло нисла,
В ришыте[11] афса[12],
—
В ришыте афса
Пълтара зирна.
—
Я дамой пришла,
Авёс высыпъла.
—

Примечания. [1] **г** произносится в этом слове и во всех следующих, как длительный звук—см. § 5,3; окончание род. пад. **ага**—см. § 5,6. [2] см. § 5,2 и 5,5. [3] см. § 5,6, вбитага вм. убитага — смешение приставок **в** и **у**. [4] = по нём, см. стр. 18, 2). [5] см. § 28 и стр. 18, 2). [6] млод — часто встречающаяся в народных говорах форма вместо молод. [7] см. § 5,6. [8] в сочетании нъ пригорку предлог не имеет ударения и потому его гласный звук оказывается третьим перед ударением; см. § 5,1. [9] конечное **с** (из местоимения ся) отвердевает; в литературном письме сохраняется сь. [10] конечное — са из ся с отвердевшим **с**, см. примеч. 9. [11] см. § 5,2; написание **ы** после **ж**, **ш** указывает на твердость произношения этих шипящих. [12] афса — см. 5,1; **ф** вм. **в** перед **с**, так как звонкие перед глухими переходят в глухие.

Авёс высыпъла
Печ'ку[1] вытъпила,

—

Печ'ку вытъпила
И блиноф[2] напикла.

—

И сыта ни[3] была
И к сасетки пашла.

—

А сасетка дабра,
Ничиво[4] ни дала.

—

Я дамой пришла,
Мужъ[5] выругъла.

—

Ах ты, фил'ъ[6], пръстафил'ъ,
Ты пустайъ гълава.

—

(Записано под Москвой проф. Д. Н. Ушаковым).

Белорусские говоры.

6.

Прышлá[7] калидá,
Напярёд[8] ражтва[9]
Упярёд[10] празьничка!
Й а хадзи́ла[11]—гуля́ла[12] кóлида
Па багáтыму па двóру,
Па зялёныму па сáду!
Багáтый двор
На сямѝ вярстáх.

Примечания. [1] значок ' после **ч** указывает на мягкое произношение **ч**; в московском произношении **ч**, **щ** всегда мягки, а **ж**, **ш** — тверды; см. примеч. 11 на стр. 100. [2] блиноф, так как конечные звонкие переходят в глухие. [3] ни былà=не была, произносится с одним ударением, ср. примеч. 8 на стр. 100, см. § 5,2. [4] см. § 5,2 и 5,6. [5] написание мужъ вм. мужа указывает на произношение послеударного гласного, см. § 5,1. [6] буква **ъ** указывает на произношение послеударного гласного; (но не указывает на твердость предшествующего соглáсного); **л** мягко, что обозначается значком '. [7] буква **ы** обозначает твердое произношение предшествующего **р** — см. § 7,4. [8] см. § 7,1 и § 5,1, 2. [9] сокращенное произношение вм. ражаства, рождества. [10] см. § 7,5. [11] см. § 7,1, 2. [12] **г** — произносится в белор. наречии всегда, как длительный звук—см. § 7,3.

На васьми́ стаўбах[1], —
Стаўбы то́чаные
Пызало́чаные.
Сирядзи́[2] тых стаубоў[3]
Тры[4] це́рима[5] стая́ць[6]:
У пярво́м тиряму́ —
Свицёл[7] месиц;
У другом тиряму́ —
Ясна со́ўнушка;
А ў тре́цьцим тиряму́
Часты́и[8] звёздычки.
Свицёл месиц —
Хазяин в даму́;
Ясна со́нца[9] — хазя́юшка
А часты́и звёздычки —
Ма́лы[10] дзетушки.

(Белорусский сборник Е. Р. Романова, вып. 8 и 9, стр. 116).

7.

Пашла[11] гаво́рка[12] па селу́, што на бе́разе[13], кале́[14] раки́[15], гдзе[16] зда́ўна[17] мно́го капцоў[18], гро́шы цвиту́ць[19]. Ка́жуць[20] — ужэ́ ко́лько[21] раз ба́чыли[22] здале́ка, што на яко́мсь капцы́[23] ў[24] но́чы гары́ць[25] аго́нь; але то́лько хто зхо́чэ падыци́[26] ближей, як той аго́нь и пату́хне[27]. И пашла́ гаво́рка, што ў капцо́х[28] закопаны заклятые гро́шы: ены́ й цвитуць, хо́чуць, каб их хто выбавиў[29] з земли́, бо мо́о[30] й им цяжко лежа́ць без дзела. Дак

Примечания. [1] = столбах; см. § 7,6. [2] = середи, см. § 7,1, § 7,2 и § 5,2. [3] см. § 7,5,6. [4] см. § 7,4. [5] см. § 7,2. [6] см. § 7,7. [7] см. § 30; ё слышится под ударением — см. § 10,3. [8] см. прим. в) на стр. 60. [9] средн. род един. числа.; окончания а явились по закону аканья. [10] краткая форма. [11] см. § 7,1 и § 5,1. [12] г всегда произносится в белор. наречии, как длительный звук — см. § 7,3. [13] = береге; см. § 7,1 и § 6,4. [14] = около. [15] = реки; см. § 7,1 и § 7,4. [16] см. § 7,2. [17] см. § 7,5. [18] = копцов, т.-е. небольших земляных насыпей, холмиков. [19] см. § 7,2 и § 7,7. [20] = говорят. [21] = сколько. [22] = видели. [23] форма предл. пад. [24] мена предлогов в и у; ср. § 7,5. [25] см. § 7,1, 3, 4, 7. [26] = подойти. [27] формы 3 лица глаголов без окончания т встречаются изредка в некоторых белорусских говорах. [28] = в копцах; формы предл. пад. множ. числа на **ох**, **ёх** нередки в белор. наречии. [29] см. § 7,6. [30] = может быть.

от гавóрaць, што той и той бачыў, як цвитýць грóшы, але нихтó не вéдае, як их узя́ць.

(Сержпутовский. Сказки и рассказы белоруссов - полешуков, стр. 47).

8.

Былó вéльми[1] лагóднае[2] надвóръе[3]: от так паведзи[4] языкóм-бы мёд. Гэто[5] ýжэ я́кась[6] па весне пéрад[7] летам. Вéдамо[8], — пагóда харóшая, сонейко зъя́е[9], аб ночы прайшóў[10] цёплы[11] дóждж: ык; земля́ вы́купаласа, напиласа вады́ — ýсе[12] расцé, бы на дрóжджах. От так прыла́жь вýхо к траве, дак и чува́ць[13], як ена́[14] расце. А кветки[15] цвитýць, бы жар гары́ць. Ад их так цеплóм и пышэ й таки́ пах[16] идзé, што усе-б нюхаў и никóли б не нанюхаўса.

(Сержпутовский. Сказки и рассказы белоруссов - полешуков, стр. 112).

Малорусские говоры.

9.

На тим[17] мисти[18], де дýмаеш ста́выты ха́ту, трéба[19] насы́паты по чотырём[20] вуглам[21] жы́та и на пóкути[22] поста́вы́ты

Примечания. [1] = очень. [2] = тихое; форма средн. рода; окончание **ае** по закону аканья — см. § 7,1; **г** — всегда произносится в белор. наречии, как длительный звук — см. § 7,3. [3] = погода; после **р** поставлена буква **ъ** (а не **ь**), чтобы обозначить твердое произношение звука **р** — см. § 7,4. [4] см. § 7,1, § 5,1 и § 7,2. [5] = это. [6] я́кась (якось) = так. [7] см. § 7,1,4. [8] = понятно. [9] = сияет; формы 3 лица глаголов без **т** изредка встречаются в некоторых белорусских говорах. [10] см. § 7,6. [11] см. § 7,2. [12] см. § 7,5. [13] = слышно. [14] = она. [15] = цветки; так говорят белоруссы и малоруссы. [16] = запах. [17] = том; см. § 8,3; буква **и** обозначает в этой записи мягкое **и**; для обозначения отвердевшего малорусск. **и** употребляется буква **ы**. [18] см. § 8,4. [19] = нужно; **е** не смягчает в малорусском наречии предшествующего согласного, т.-е. произносится трэба — см. § 8,2. [20] см. § 20, стр. 37. [21] **г** произносится в малорусском наречии всегда, как длительный звук — см. § 8,6. [22] = красный угол, т.-е. правый угол, где ставят образа.

ще ско́вороду; на дру́гыи[1] день, до-схи́д[2] со́ньца, дывыцьця[3]: як ку́чкы жыта ци́ли, и сковорода́ суха́ и не заржа́вила, то мисто щаслы́ве, и хата бу́де[4] суха́, а як шо[5] сковорода́ заржа́вие и буде мо́кра, то тре́ба для хаты и́нчого[6] миста шука́ты[7], — бо хата буде мо́кра. Строицьця слид[8] в дни св. уго́дныкив бо́жых, прыподо́бных; в дни мучиныкив не начынай, бо постро́йка неблагополу́чно коньчыцьця; в понеди́лок, суббо́ту и пьятныцю тоже нельзя строицьця: — дни нещаслы́ви; а хто постро́ицьця в вивторок, або́ в четверг, той буде щаслы́вый и бага́тый[9]. Як вы́бере хазя́ин[10] мисто пид ха́ту, то зве[11] майстри́в[12]; стано́влять[13] посере́д того[14] миста стил, стано́влять на нёго хлиб-силь, гори́лку и угоща́ють их и да́рять платка́мы, або[15] рушника́мы[16]: щоб у тим до́ми щаслы́во, та бага́то було́. Треба зами́тыть, шо с пло́тныкамы тре́ба обхо́дыцьця як мо́жно получче: уже годы́[17] та годы́ имъ, — бо воны[18] мо́жуть такъ устро́иты хату, шо вся симья́ вы́мре; хоч якый сарай або за́городу — то скоты́на бу́де пропада́ты.

(Рассказ крестьянина Харьковской губернии. Харьковский сборник, вып. 7, стр. 415).

10.

Всю родинойку[19] маю[20],	Пішлю[23] зазульку[24]
А татка[21], мамки не[22] маю.	В чужу сторонку

Примечания. [1] сравни великор. другóй — см. § 6,2 (хотя здесь ударение и не на окончании. [2] сход — см. § 8,3; но день см. примеч. к § 8,3 и § 8,2. [3] (дивиться) = смотреть. [4] см. § 8,10. [5] что произносится в малорусском, как шо или що; ср. примеч. 6 на стр. 97. [6] = иного, см. § 8,11. [7] = искать. [8] = следует. [9] бага́тый и [10] хазя́ин — под влиянием литературного произношения; сравни § 8,5. [11] = зовет, см. § 8,10. [12] = мастеров. [13] см. § 8,10. [14] см. § 8,11. [15] = или. [16] = полотенцами. [17] = угождай. [18] = они; в именит. пад. един. числа мужеск. рода — він. [19] = родню; буква **и** обозначает затвердевшее **и** (ы); для обозначения мягкого **и** употребляется буква **і** — см. § 8,1,3. [20] = имею. [21] = отца; родит. пад. от слова татко. [22] **не** должно произносить, как нэ — см. § 8,2. [23] см. § 8,3. [24] = кукушку.

Я по свою родинку.
Пішлю сокола
В сиру́[1] землицю
По свого[2] татка і мамку.
Летить[3] зазулька, вісточку[4] несе[5],
Вся родинойка йде.
Ой летить соків[6], вісточку несе,
Татка й мамки не буде.
Прилетів[7] соків
Ой на татків гріб[8]
Та почав[9] щебетати:
Ой вийди, татку[10],
С сирої землі
На весіля[11] дітяти.
Ой рад же бы я встати,
Ід[12] свойо́му дітяти,
Ано[13] сира зимли́йка
Заслонила вічийка[14],
Вічийка заслонила
Тай[15] ручки прислотила[16].
Крикнули янголи[17] в небі
Збудили татойка в гробі:
Уставай, татойку́, до суду,
Йде твоє[18] дітятко до шлю́бу[19],
Сердейко му[20] ж жалю[21] вмирає[22],
Що рідного[23] татка не має.

(Свадебная песня невесте-сироте; записана близ г. Стрыя в Галиции. Материалы по украинско-русской этнологии, т. X, статья З. Кузели, стр. 129).

11.

Ой, у[24] Киеві[25] на пэрэвозі[26],
Там красна панна пэрэвоз[27] дэржала,

Примечание. [1] = сырую, см. § 8,1. [2] **г** произносится в малорусском наречии всегда, как длительный звук — см. § 8,6 и § 8,11. [3] см. § 8,2,10. [4] см. § 8,4. [5] см. § 8,2,9,10. [6] = сокол — см. § 8,3,8. [7] см. § 8,4,8. [8] = татков гроб — см. § 8,3. [9] = начал — см. § 8,8. [10] = форма зват. пад. — см. § 29,6. [11] = свадьбу. [12] = к. [13] = но. [14] уменьшит. форма от очи. [15] = и. [16] = прижала. [17] = ангелы. [18] є читать, как **ө** в литературном языке (но не ё) — ср. § 8,2. [19] шлюб = венчание; слово заимствовано из польского языка: ślub = обет. [20] = ему. [21] = с (от) жалости. [22] см. примечание 18 и § 8,10. [23] см. § 8,3,11. [24] смешение предлогов **у** и **в**. [25] буква **и** обозначает в этой записи **и** отвердевшее; для обозначения мягкого **и** употребляется буква **і** — см. § 8,1,4. [26] см. § 8,2,4. [27] см. § 8,2; **о** должно бы измениться в этом слове в **і** или в дифтонг — см. § 8,3 и примечание.

Пришло до её семсот[1] молодцюв[2],
Красная панна пэрэвэзи нас,
Нэ пэрэвэзу — нэмаю[3] часу,
Нэ часиночки, нэ годиночки[4],
Тэпэр муой[5] братко з вуйска прэехав[6],
Привюз[7] он мэне три гостинчика,
Пэрший[8] гостинэц — кунная шуба,
Дру́ги[9] гостинчик — пэрлови віенок[10],
Трэтій гостинчикъ — золоти пэрстникъ,
Я в тэе вбралась[11] и в цэркву пошла,
Кунная шуба сліед заміетае[12],
Золотий пэрсник без сонця сяе[13],
Пэрловий віенчик головку клонить[14].
А за цім словом бувай здорова,
Бувай здорова, красная панна.

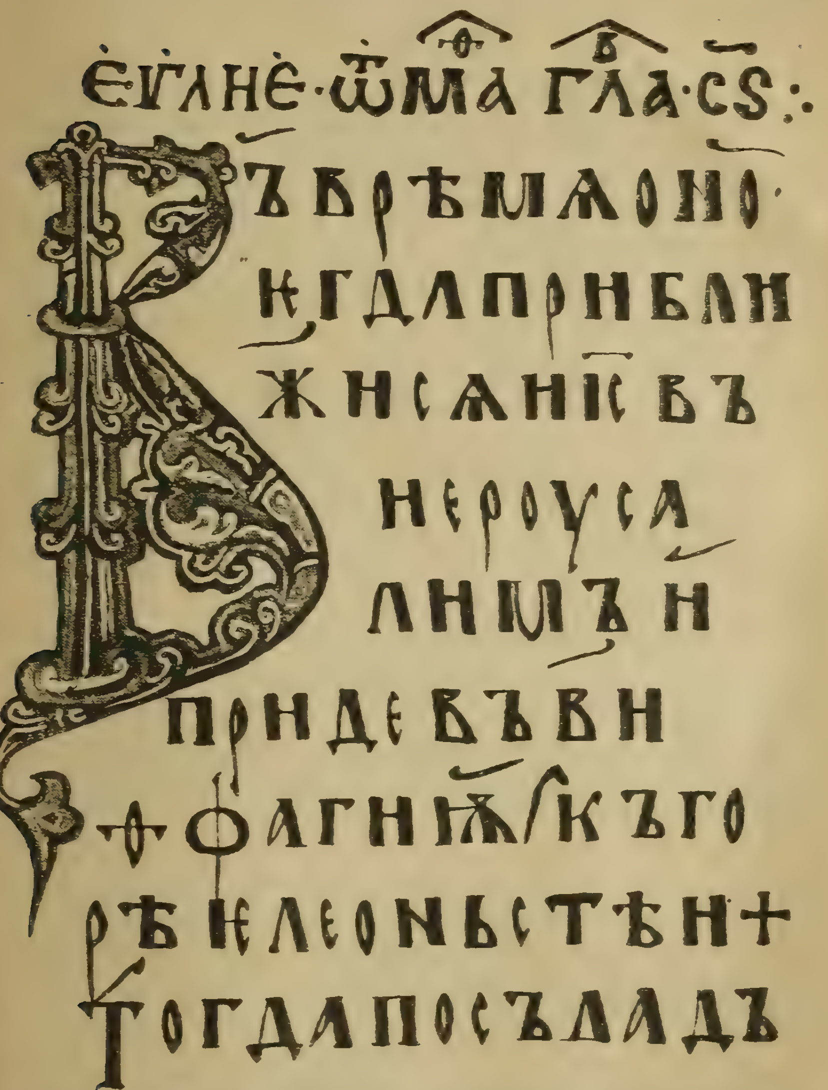
(Колядки и щедровки, записанные в Волынском полесьи. Записал Н. И. Коробка. Живая Старина, год 11, выпуск II, стр. 285).

Примечания. [1] **о** не изменяется, так как оно беглое — см. § 8,3 и примечание. [2] **о** нередко переходит в северно-малорусских говорах в **у**, **ю** или в двузвучия по § 8,3. [3] = не имею. [4] година = час, время; **г** произносится всегда в малорусском наречии, как длительный звук — см. § 8,6. [5] = мой; **о** перешло в двузвучие перед й. [6] см. § 8,8. [7] см. примечание 2. [8] = первый; слово заимствовано из польского языка. [9] см. § 6,2. [10] см. § 8,4. [11] = оделась, смешение предлогов **у** и **в**. [12] см. § 8,10. [13] = сияет — см. § 8,10. [14] см. § 8,10.

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА.

12.

Из Остромирова евангелия XI в.

ЕѴГЛИЕ · ѾМА ГЛА · ЅС :·
ВЪ ВРѢМѦ ОНО·
КЪГДА ПРИБЛИ
ЖИ СѦ ІИС ВЪ
ИЕРОУСА
ЛИМЪ И
ПРИДЕ ВЪ ВИ
ѲАГИЮ КЪ ГО
РѢ ЕЛЕОНЬСТѢИ
ТОГДА ПОСЪЛА ДЪ

Остромирово евангелие — один из древнейших славянских памятников. Оно было списано в 1056 году для Новгородского посадника Остромира, по имени

которого и получило название. Написано оно на старославянском языке, так как было списано с старославянского евангелия; но русский писец — диакон Григорий—внес в рукопись черты своего родного языка. Остромирово евангелие хранится в Публичной Библиотеке в Петрограде. Это — большая роскошная рукопись, писанная на пергаменте красивым крупным почерком (уставом) в два столбца. Снимок представляет собою половину столбца, т.-е. $^1/_4$ часть страницы

(140 лист) в натуральную величину.

Исоусоу рожьшоу[1] сѧ[2] въ виѳлеѣми иоудеистѣи въ дьни[3] ирода црѣ, се вльсви[4] отъ въстока придошѧ[5] въ иерслимъ глѭще[6]: къде ѥсть рожденꙑи[7] сѧ црь иоудеискъ; видѣхомъ бо ꙁвѣꙁдѫ ѥго на въстоцѣ и придохомъ поклонитъ[8] сѧ ѥмоу. Оуслышавъ же иродъ црь съмѧте[9] сѧ и вьсь иерсалимъ съ нимь. И събьравъ вьсѧ архиереѩ и кънижьникꙑ людьскꙑѩ въпрашаше[10] ѩ: къде хсъ раждаѥть сѧ. Они же рекошѧ ѥмоу: въ виѳлеѥми иоудеистѣи; тако бо писано ѥсть прркъмь: и ты, виѳлеѥме[11], ꙁемле иоудова, ничимь же мьньши[12] ѥси въ вл҃дкахъ[13] иоудовахъ[14], ис тебе бо иꙁидеть вл҃дка, иже оупасеть люди моѩ иꙁлѩ[15]. Тогда иродъ отаи[16] приꙁъвавъ вльхвы, испыта отъ нихъ времѧ[17] ꙗвльшаѩ сѧ ꙁвѣꙁды. И посълавъ въ виѳлеѥмъ рече: шьдъше испытаите иꙁвѣстьно о отрочѧте; ѥгда же обрѧщете, повѣдите ми, да и аꙁъ шьдъ поклонѭ сѧ ѥмоу. Они же послоушавъше црѣ идошѧ. И се ꙁвѣꙁда, ѭже видѣшѧ на въстоцѣ, идѣаше прѣдъ ними доньдеже пришьдъши[18] ста вьрхоу[19], идеже бѣ отрочѧ. Видѣвъше же ꙁвѣꙁдѫ, въꙁрадоваша сѧ радостиѭ великоѭ ꙁѣло. И въшьдъше въ храминѫ видѣшѧ отрочѧ съ мариѥѭ материѭ ѥго, и падъше поклонишѧ сѧ ѥмоу. И отвръꙁъше съкровища своѩ, принесошѧ ѥмоу дары: ꙁлато

Примечания. [1] см. § 19,4 и § 50. [2] см. § 17,4 — Исоусоу рожьшоу сѧ = когда Иисус родился; этот синтаксический оборот называется дательным самостоятельным. [3] см. § 17,2. [4] = волхвы; см. § 19,3, § 18,2 (**х** смягчилось в **с**, хотя между ними и находится звук **в**) и § 27. [5] см. § 40. [6] = глаголѭще, см. § 49. [7] см. § 19,4 (ср. рожьшоу) и § 50. [8] см. § 47. [9] см. § 40. [10] см. § 41. [11] см. § 23,2. [12] см. § 33. [13] = владыкахъ, т.-е. владениях. [14] см. § 30. [15] = израилѩ, род. п. ед. ч. [16] = тайно. [17] см. § 19,2. [18] относится к слову звѣзда — см. § 50. [19] см. § 19,3.

и ливанъ и ʒмурьнѫ. И отъвѣтъ приимъше въ сънѣ не възвратити ся къ иродоу, нъ инѣмь пѫтьмь отидоша въ странѫ своѭ.

(Евангелие от Матфея, глава II, 1—12).

13.

Из Остромирова евангелия XI в. (1056 года).

Тогда[1] приде[2] съ ними і͠с въ вьсь[3], нарицаемѫю гефсиманиии. и гл͠а[4] оученикомъ[5]: сядѣте[6] тоу, доньдеже шъдъ[7] помолю[8] ся тамо. и поимъ[9] петра и оба сн͠а ʒеведеова[10], начатъ[11] тѫжити и скърбѣти[12]. тогда гл͠а имъ і͠с: прискърбьна есть доуша моя до съмьрти; пождѣте сьде и бѫдите съ мъноѭ. и прѣшьдъ мало, паде ниць, моля ся и гл͠я[13]: оч͠е[14] мои, аще възможьно есть, да мимо идеть[15] отъ мене чаша си, обаче не якоже азъ хощѫ[16], нъ якоже ты.

(Евангелие от Матфея, глава 26, стихи 36—39).

14.

Из Жития мучеников Бориса и Глеба.

Житие прославляет русских святых и принадлежит русскому автору; однако, язык Жития в основе — старославянский, хотя в нем много русских особенностей (см. § 58). Житие Бориса и Глеба, написанное в XII в., составляет часть

Примечания. [1] тогда и тъгда одинаково встречаются в старослав. памятниках; это не есть русская особенность, т.-е. не есть замена **ъ** через **о**, которая произошла позже — в XII веке; см. § 20,2. [2] см. § 40. [3] = весь, т.-е. село. [4] = глагола, см. § 40. [5] см. § 27. [6] см. § 46. [7] или шьдъ, см. § 50. [8] см. § 17,3,4 и § 19,1. [9] см. § 50. [10] оба сн͠а Зеведеова—см. § 23,1. [11] форма аориста. [12] см. § 19,3. [13] см. § 17,4 и § 49; сравни моля ся. [14] = отче — см. § 23,2; см. § 18,1; хотя слов со звуком **к** от этого корня не сохранилось; отьць — см. § 18,2 примеч. 2. [15] см. § 36. [16] см. § 19,4.

сборника, хранившегося в библиотеке Московского Успенского собора; ныне этот сборник хранится в Синодальной библиотеке, в Московском Историческом музее.

Чю. а҃.[1] о хромѣмь ∴ Баше[2] моужь именьмь Миронѣгъ, иже бѣ[3] градьникъ[4] вышегородѣ[5]. сь[6] имѣ отрокъ; оу того отрока и бѧаше нога юмоу соуха и съкърчена, и не можааше на неи ходити ни малы юѣ[7] чюѩше, но подъдѣлавъ деревѧноу и тако хожааше. И пришедъ къ с҃тынма[8] и припадъ къ гробома с҃тою[9], молѧшеса къ богоу исцѣлениꙗ просѧ отъ с҃тою. И пребываааше д҃нь и нощь, молѧсѧ съ сльзами.

15.

Из Лаврентьевской Летописи XIV века.

Летописи, т.-е. погодные записи о событиях, велись в древней Руси уже в XI в. Такие древние записи впоследствии переписывались и к ним добавлялись за-

Примечания. [1] = чюдо первое; числа обозначались в старославянских и в древне-русских рукописях буквами. [2] стяженная форма из бѣаше, см. § 41 и примечание; см. § 17,4 и § 59,1 (стр. 91). [3] см. § 41, примеч. [4] т.-е. начальник города — см. § 19,2 [5] местный падеж. [6] = сей. [7] см. § 31 и § 25,3. [8] см. § 23,1, дат.-тв. дв. ч. [9] род. муж. дв. ч.

писи о дальнейших событиях. В 1377 году монахом Суздальского монастыря Лаврентием была списана летопись, заключавшая в себе события до 1305 года. Эта Лаврентьевская Летопись является древнейшим списком летописи, сохранившим точную запись о писце и времени написания.

Язык летописи — древне-русский; однако, в нем встречаются и старославянские черты (см. § 58, стр. 82—83).

В се же лѣто рекоша дружина[1] игореви[2]: ѡтроцi[3] свѣньлъжи[4] изодѣлиса суть[5] ѡружьемъ[6] и порты[7], а мы нази; поиди, княже[8], с нами в дань, да и ты добудеши и мы. — Послуша ихъ игорь, иде в дерева в дань, и примышлаше[9] к первои да[ни] и насилаше[10] имъ и мужи его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свои. Идуще[31] же ему въспать, размысливъ, ре҃[12] дружинѣ своеи: идѣте[13] съ данью домови[14], а ꙗ возъвращюса, похожю и еще.— Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратиса, желаꙗ больша[15] имѣньꙗ. Слышавше[16] же деревлане, ꙗко ѡпать идеть[17], сдумавше со князем̑ъ своим̑ъ маломъ: аще са въвадить волкъ[18] в овцѣ[19], то̑ выносить все стадо, аще не оубьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то все ны погубить.— По̑слаша к нему гл҃ще[20]: почто идеши[21] ѡпать? поималъ[22] еси всю дань.— И не послуша ихъ игорь; и вышедше изъ града[23] изъ коръстѣна деревлене убиша игора и дружину его...

Примечания. [1] рекоша дружина — при имени собирательном сказуемое обыкновенно ставилось во множ. числе. [2] см. § 27,з. [3] см. § 18,2. [4] т. е. Свѣнелда. [5] изодѣлиса суть — см. § 43 и 44. — а в слове изодѣлиса и во всех других случаях не обозначает носового звука — см. § 17,4. [6] є писали в древне-русских памятниках вместо ѥ. [7] = платьемъ, множ. ч., см. § 27. [8] см. § 23,2 и § 20,1. [9] т.-е. прибавлял, см. § 41. [10] т.-е. производил насилие. [11] идуще же ему — см. § 51; должно бы быть: идущу же ему, т.-е. когда он шел — дательный самостоятельный — см. стр. 108, примеч. 2. [12] = рече — см. § 40. [13] см. § 46. [14] = домой; обычная древне-русская форма, представляющая собою дательн. пад. от основы на ъ — см. § 27. [15] см. § 33. [16] из слышавъше — см. § 20,1 и § 50. [17] см. § 36. [18] см. § 20,2 и § 19,з. [19] вин. пад. мн. ч. — см. § 25,з. [20] = глаголюще, см. § 49. [21] см. § 36. [22] поималъ еси — см. § 43 и 44. [23] старославянская форма — см. § 19,2 и стр. 82.

Рѣша[1] же деревлѧне: се кнѧзѧ оубихомъ рускаго[2], поимемъ жену єго вольгу за кнѧзь[2] свои малъ, и с҃тослава, и створимъ єму, ꙗкоже хощемъ.

(6453 г. от сотв. мира, от р. х. — 945 г.).

16.

Из I Новгородской Летописи, XIV века.

Новгородская Летопись является, как и Летопись Лаврентьевская (см. № 15), одним из древнейших списков русских летописей. Новгородская Летопись была списана не позже XIV в. Летопись относится к Новгородской области и повествует, главным образом, о Новгородских событиях. Язык Летописи имеет немало новгородских особенностей (см. § 54). Хранится Новгородская Летопись в Синодальной библиотеке, в Московском Историческом музее.

Новгородьци[4] же пришьдъше[5] новоугородоу[6], створиша[7] вѣче на посадника[8] дмитра и на бра҃ю[9] єго, ꙗко ти повѣлѣша на новгородьцихъ сребро[10] имати, а по волости[11] коуры[12] брати[13], по коупцемъ вироу[14] дикоую и повозы возити и все[15] зло[15]; идоша на дворы ихъ грабежьмь, а мирошкинъ дворъ и дмитровъ зажьгоша; а житиє[16] ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челѧдь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла; а избытъкъ роздѣлиша по зоубоу[17] по г҃[18] гривнѣ[19], по всемоу городоу и на щитъ[20]. аще кто потаи похватилъ[21], а того єдинъ б҃ъ вѣ-

Примечания. [1] см. § 40, примеч. 1 на стр. 68. [2] старославянская форма — см. стр. 58. [3] за кнѧзь свои Малъ — см. § 27 и § 29,5. [4] см. § 19,2 и § 27. [5] см. § 50. [6] дательный места, без предлога. [7] из сътвориша — см. § 20,1. [8] см. § 29,5. [9] = братию. [10] сребро и срѣбро часто встречаются в русских памятниках рядом с формой серебро. [11] см. § 19,2 и § 58, стр. 90, в). [12] см. § 29,5. [13] из бьрати — см. § 20,1. [14] вироу дикоую = виру, платимую общиною. [15] из вьсе зъло—см. § 20,1. [16] т.-е. животных. [17] т.-е. так, что каждому досталось. [18] г҃ = 3. [19] им.-вин. двойственного числа. [20] т.-е. на добычу. [21] см. § 44.

дакть[1]. и ѿтого[2] мнози разбогатѣша. а что на дъщькахъ[3] а то князю оставиша.:. Того же лѣта привезоша дмитра мирошкиница[4] мьрътвого[5] из володимира. (1209 год).

17.

Из Слова о полку Игореве.

Слово о полку Игореве — самый поэтичный памятник первых веков русской письменности. В Слове повествуется о походе Северского князя Игоря на половцев в 1185 г. Этот памятник был приобретен А. И. Мусиным-Пушкиным от Спасо-Ярославского монастыря в 1795 г. Он был переписан для императрицы Екатерины II, а атем в 1800 г. напечатан. Сама же древняя рукопись сгорела в Московском пожаре 1812 года.

Почнемъ же, братіе[6], повѣсть сію отъ стараго[7] Владимера[8] до нынѣшняго Игоря, иже истягну[9] умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився[10] ратнаго духа, наведе своя храбрыя[11] плъкы на землю Половѣцькую за землю Русьскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ[12] отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце[13] жъ бы потяту[14] быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони[15], да позримъ синего Дону.

И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, оба есвѣ[16] Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи

Примечания. [1] см. § 36,2. [2] = оттого. [3] т.-е. на досках; это выражение обозначало бумаги, документы. [4] ц вместо ч (ср. Никитич, Ярославич) — см. § 54. [5] окончание **ого** — русская особенность; см. § 32. [6] форма зват. пад. от слова братіꙗ, которое склонялось, как имена женск. рода на ꙗ — см. § 23,2 и § 25. [7] см. § 32. [8] так обычно писали это имя в древне-русских памятниках. [9] 3 л. ед. ч. аориста — см. § 40, = напряг, укрепил. [10] см. § 19,3 и § 50. [11] старослав. форма вин. пад. мн. ч. своѩ храбрыѩ — см. § 32; ср. форму хоробръ, встречающуюся в др.-русских памятниках. [12] видѣ... вся своя воя прикрыты — см. § 29,5. [13] см. § 54. [14] потяти = убить — см. § 53 и § 30. [15] = конь. [16] форма 1-го лица двойств. ч.

комони, а мои ти[1] готови, осѣдлани у Курьска напереди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети[2], подъ трубами повити, подъ шеломы[3] възлелѣяны, конець копия въскормлени, пути имь вѣдоми, яругы[4] имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули[5] отворени, сабли изъострени, сами скачють аки сѣрыи влъци в полѣ[6], ищучи[7] себе чти[8], а князю славѣ[9].

18.

Из договорной грамоты великого князя Тверского Бориса Александровича с великим князем Московским Василием Василиевичем, 1451 года.

Древне-русские грамоты представляют собой образцы наиболее чистого древне-русского языка — см. § 58. Сохранилось много различных древних грамот как государственного, так и частного характера (к этим последним относятся духовные завещания, дарственные записи и т. п.).

А ци[10], брате, по грѣхомъ пойдетъ[11] на насъ царь ратью, или рать татарьская, — и тобѣ, брате, намъ по́мочь[12] послати въ правду безъ хитрости[13]; а пойдутъ, брате, на насъ литва, или ляхи, или нѣмци, — и тобѣ, брате, къ намъ на по́мочь самому всѣсти на конь[14], и съ своими дѣ҃ми, и съ своею братьею молодшею[15] въ правду безъ хитрости. А которой[16] ти братъ надобѣ оставити на сторожу, и тобѣ его оставити; а кормъ взяти, а не корыстоватися ничѣмъ. А на кого будет пеня давная и въ ратное веремя[17], того не имати, ни искати на обѣ стороны. А к ордѣ ти, брате, и ко царю путь чистъ[18], и твоимъ дѣтемъ и внучатомъ и вашымъ людемъ.

Примечания. [1] **ти** = тебе. [2] = витязи. [3] ср. старослав. шлѣмъ, литературное русское шлем; см. § 27, § 19,2. [4] = овраги. [5] колчаны. [6] см. § 29,3, б). [7] см. § 49 и 51. [8] из чьсти = чести. [9] смешение падежей. [10] = если. [11] см. § 36,2. [12] старосл. — помощь — см. § 19,4 — примеч. 1. [13] см. § 20,3. [14] винит. пад. ед. ч. [15] эта форма существует и теперь в народных говорах вместо литературной младший. [16] см. § 32. [17] см. § 19,2. [18] путь чистъ = свободен.

19.

Из Домостроя, XVI века.

А слугъ своихъ заповѣдывай ѡ людѐ не переговаривати; и гдѣ в людѐ были и что видели недобро, тово[1] дома не сказывали бы[2]; а что дома дѣетсѧ, того бы в людѐ не сказывали: ѡ чемъ послано, то и паметуй, а ѡ иномъ ѡ чемъ оучнутъ спрашивати, того не ѿвечевай, и не вѣдай и не знай того, борзее ѿдѣлавшисѧ[3] да домой ходи и дѣло кажи: а иныхъ вестей не приноси, што[4] не приказано, ино промежь гдреи никакой ссоры не будетъ.

(Коншинскій списокъ, изданіе Орлова, стр. 33).

20.

Из Разрядных записей за Смутное время, XVII века.

Лѣта 7113[5] году учинилас весть государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі, что назвался в Литве вор государским именем царевичем Дмитрѣем Углетцким великого[6] государя царя Ивановым сыномъ. А тот вор ростріга Гришка, сынъ сотника стрелетцкого Богдана Отрепъева, постригшис был[7] в Чюдове монастыре в дьяконех, и въ 111-м[8] году зшол на Северу и збѣжал за рубеж в Литву и пришол[9] в Печерской монастырь; а с ним вор же чернецъ Мисаило Повадин. И умысля дьяволскою кознью разболелся до умертвия и велелъ бит челом игумену Печерскому, чтоб ево поновил[10], і вдуховне сказал: бутто он сынъ

Примечания. [1] см. § 32, примеч. б. [2] см. § 45. [3] при подлежащем муж. рода — см. § 51. [4] великорусское произношение, ср. примеч. 6 на стр. 97. [5] 7113 года — от сотворения мира, т.-е. 1605 л. от р. хр. [6] см. § 32. [7] постригшис был — см. § 51. [8] т.-е. 7111. [9] см. § 20,4 и § 59,3 (стр. 92). [10] = исповедал.

великого государя царя Ивана Васильевича царевичь Дмитрѣй Углетцкой, а ходит бутто в-ыскусе не пострижен, избѣгаючи[1], укрываяся от царя Бориса; и он бы игумен после ево смерти про то всем объявилъ. И после того встал, сказал, бутто полехчело ему.

(Изд. С. А. Белокурова, стр. 1).

21.

Из писем Петра Великого.

Господинъ Веселовскій! Письмо твое, февраля отъ 1 дня изъ Вѣны писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что ты нашелъ переводчика, который берется переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцию за 300 ефимковъ, и чтобъ къ нему прислать въ помочь двухъ человѣкъ русскихъ, которые по латинѣ знаютъ; но какъ мочно видѣть, хотя бъ и помощники къ нему были присланы, и тѣ три книги ему одному съ ними трудно и долговременно будетъ переводить, а къ тому жъ и послать, кроме кіевскихъ чернцовъ, некого, и для того по первому указу конечно къ іезуитамъ съѣзди въ Прагу не для только сего одного дѣла, что имъ помянутыя книги отдать переводить, но и о цѣнѣ договориться, дабы и впредь всякія книги, которыя понадобятся, посылать переводить (1716 г.).

(Пекарский. Наука и литература при П. В., т. I, 231).

22.

Из «Краткаго руководства къ риторикѣ» М. В. Ломоносова.

§ 136. Слово произносить должно голосомъ чистымъ, не прерывнымъ, не грубымъ; среднимъ, то есть, не очень кричнымъ или весьма нискимъ; равнымъ, то есть, не надлежитъ вскрикивать

Примечания. [1] см. § 49 и 51.

вдругъ весьма громко, и вдругъ къ низу опускаться, и напротивъ того не прилично произносить однѣмъ тономъ безъ всякаго повышенія или пониженія; но какъ произносимой разумъ требуетъ, умѣренно повышать и понижать должно и голосъ. Въ вопрошеніяхъ, въ восклицаніяхъ и въ другихъ сильныхъ фигурахъ надлежитъ оной возносить съ нѣкоторымъ стремленіемъ и отрывомъ. Въ истолкованіи и въ нѣжныхъ фигурахъ должно говорить равня́е[1] и нѣсколько пониже; радостную матерію весёлымъ, печальную плачевнымъ, просительную умильнымъ, высокую великолѣпнымъ и гордымъ, сердитую произносить гнѣвнымъ тономъ. И словомъ, голосъ свой управлять долженъ Риторъ по состоянію и свойствамъ предлагаемыя[2] матеріи.

(Сочиненія М. В. Ломоносова, изд. Акад. Наук, т. 4).

23.

Из повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».[3]

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которые представляются глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце; когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые, цветущие луга; а за ними по желтым пескам течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле ко-

Примечания. [1] северно-великор. форма сравнит. степени, усвоенная Ломоносовым на родине; ра — церковнослав. влияние. [2] церковнославянская форма — см. § 32. [3] образцы 23-й и 24-й печатаются по новой орфографии.

торой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Разберите этот отрывок на основании всего пройденного, а особенно §§ 58 и 59.

24.

Из «Медного Всадника» А. С. Пушкина.

Прошло сто лет — и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова.
И перед младшею столицей
Главой склонилася Москва,

Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

. . . .

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия:
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Разберите этот отрывок на основании всего пройденного, особенно на основании § 10, 19, 29, 58, 59. Например: *стран* — старославянская форма, соответствует русской полногласной форме *сторон*; в русском литературном языке слово *страна* употребляется рядом со словом *сторона*, но в несколько ином, более отвлеченном значении (см. § 58); форма *страна* проникла и в народный язык: — *вознесся* — произношение см. § 10,з, правописание § 59: — *порфира* (порфироносный) и *стихия* — слова, заимствованные из греческого языка; употребительны лишь в литературном языке и т. п.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Физика и химия.

Верховский, В. Н. Химическая лаборатория в трудовой школе. Устройство помещений для преподавания химии и их обстановка. Стр. 59. Ц. 40 к.
Кашин, Н. В. Методика физики. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.
Красиков, Ф. Н. Колодезь. Опыт исследования комплекса. Стр. 75. Ц. 30 к.
Его же. Упрощенные приборы по физике. Стр. 272. Ц. 1 р.
Лермантов, В. В. Методика физики и содержание приборов в исправности. Стр. 179. Ц. 85 к.
Созонов, С., и Верховский, В. Первые работы по химии. Руководство для практических занятий, параллельных элементарному курсу. Берлин. Стр. 137. Ц. 80 к.

Естествознание.

Воронков, Н. В. По пресным водам. Фауна пресных вод. Руководство к экскурсиям. Стр. 91. Ц. 25 к.
Исаин, В. Н. Руководство к учебно-практическим занятиям по физиологии растений. Стр. 145. Ц. 1 р.
Игнатьев, Б. В. Весенняя флора. Определитель весенних растений средней России. Пособие для лабораторных занятий, биологических экскурсий и самообразования. Стр. 27. Ц. 60 к.
Кононов, В. И., Николаевский, М. Н., Ягодовский, К. П. Практические занятия по естествознанию. Мир неорганический. Стр. 75. Ц. 40 к.
Пинкевич, А. П. Методика начального курса естествознания (Природоведение). Стр. 324. Ц. 1 р. 50 к.
Полетаева, О. Три года преподавания естествознания и географии. Стр. 192. Ц. 80 к.
Шмейль, О. Очерки по методике естествознания. Пер. С. П. Аржанова и А. П. Пинкевича. Изд. 3-е. 1923 г. Стр. 83. Ц. 50 к.

География и метеорология.

Полетаева, О. Занятия по географии. Стр. 65. Ц. 20 к.
Жарков, С. Н. Метеорологические наблюдения в школе. Стр. 240. Ц. 1 р.

Цены на книги переведены в золото. Расчет на дензнаки 1923 г. по курсу котировальной комиссии, ежедневно публикуемому в газетах.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский, 4. || **Петроград, Проспект 25 октября, 28.**

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й дом Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостиный Двор; КИЕВ, Крещатик, 34; КОСТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 33; НИЖНИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка. 12; ОДЕССА, ул. Лассаля, 12; ПЕНЗА, Интернациональная, 39/43; РОСТОВ на ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, зд. Совета; ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16; ХАРЬКОВ, Московская, 20.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гост. „Дрезден“); 2) Моховая, 17 (под гост. „Националь“); 3) Больш. Никитская, 13 (здание консерватории); 4) Никольская ул., 3; 5) Серпуховская площ., 1/43; 6) Кузнецкий мост, 12.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25-го октября (Невский), 28; 2) Проспект 25-го октября, 13; 3) Пр. Володарского (б. Литейный), 53.

50

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Rukovodstvo po istorJii russkag
491.709 I87R
D900557l6X